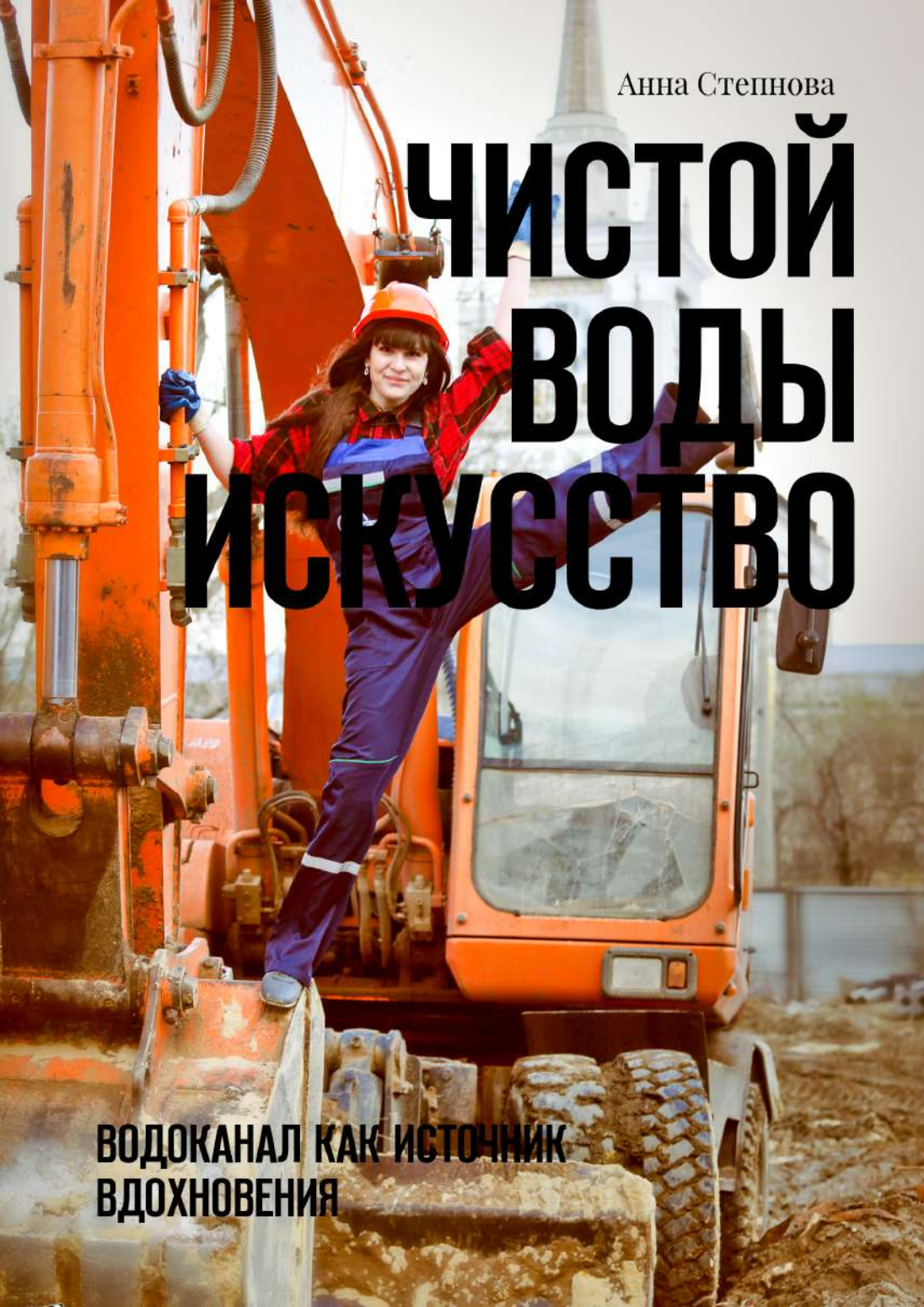

Анна Степнова

ЧИСТОЙ ВОДЫ ИСКУССТВО

ВОДОКАНАЛ КАК ИСТОЧНИК
ВДОХНОВЕНИЯ

Анна Степнова

Чистой воды искусство

Водоканал как источник вдохновения

2019

УДК 82-9
ББК 76.01
С79

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Степнова Анна

С79 Чистой воды искусство : Водоканал как источник вдохновения / Анна Степнова. — [б. м.] : [б. и.], 2019. — 134 с. [б. н.]

Стрит-арт и паблик-арт, театр и кино — все, что Музей историй чистой воды «Фильтры» делает вместе с художниками, горожанами, это глобальный проект «Чистой воды искусство». Как сделать корпоративный музей, каких в России тысячи, притягательным для горожан? Рассказ о музейных событиях включает пошаговое руководство для тех, кто хочет поставить документальный спектакль со своим коллективом. Книга написана в рамках проекта «Коммунальный вербатим», поддержанного Фондом президентских грантов.

**УДК 82-9
ББК 76.01**

12+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

*Ведь в мире я — как капля водяная,
Что в океане хочет отыскать
Другую каплю и в попытках этих,
Незримая, теряется сама.*

Уильям Шекспир

Музей историй чистой воды «Фильтры» приглашает вас заглянуть за ограду одного из крупнейших предприятий Волгограда — водоканала. И не просто заглянуть. Сегодня мы увидим, что бетонный забор с тремя рядами колючки по верху может быть прозрачным. Мы пройдем сквозь стену — стену стереотипов и недоверия, которая стоит между рабочими коммунальной отрасли и пользующимися их трудами горожанами.

Эта книга состоит из двух частей, которые вы можете читать в удобном для вас порядке. В первой части мы расскажем о том, откуда у музея такое длинное название и как корпоративный музей стал тем, чем он стал. А чем? Собрав самые любимые свои проекты вместе, мы можем смело сказать: наш музей — центр социокультурных инноваций. Используя, трансформируя мировой опыт, музей создает прецеденты для города, которому служит. Стрит-арт и паблик-арт, театр и кино — все эти проекты соучастия, сотворчества с художниками, горожанами объединяются в один глобальный и бессрочный проект «Чистой воды искусство».

Во второй части мы расскажем о проекте «Коммунальный вербатим»: чем он хорош и в чем подводные камни. Документальный театр, вербатим (*латинское verbatim — дословно*), — не такая уж и новая идея, но она нова как форма работы с сообществом, которое в последние десятилетия выпало из поля зрения даже социологов и обществоведов: трудовым коллективом. Раньше с ним была связана значительная часть активности человека и гражданина, ведь здесь происходит не только профессиональная, но и социальная самореализация.

Коллектив — это самое высокоорганизованное сообщество: оно успешно справляется со своими задачами, имеет высокую мораль и хорошие человеческие отношения, а его способность к творчеству дает людям больше, чем те же люди по отдельности. Мы предлагаем свой опыт работы с коллективом и его нравственными нормами в свободной от диктата и дидактизма форме.

Импортированные технологии управления персоналом, коучинга и KPI основаны на личной эффективности. А что же наши коллективистские традиции? У нас-то на миру и смерть красна. И подвиг является одной из самых очевидных и признаваемых ценностей. Это проявляется в том числе и в любви к авраам. Планомерная и методичная работа выматывает, а вот рывок накануне решающего дня (или ночи) дает чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы. Особенно, если работа была командная. Забыты обиды и взаимные претензии, команда испытывает воодушевление от единения, обязанности не делятся на свои и чужие... Длится это недолго, после можно с чистой совестью впасть в анабиоз до следующего вдохновляющего шанса совершить трудовой подвиг. Какие уж тут KPI?

По сути коллектив — это сумма этических норм, общее понимание нравственности. Но кто у нас работает с этими ценностями? Как к ним обращаются корпоративные музеи, число которых в России превышает 2,5 тысячи (больше, чем муниципальных, региональных и федеральных)? Как правило, корпоративный музей работает в первую очередь с технологией, во вторую — с историей предприятия, а традиции коллектива остаются на периферии интересов и музея, и корпорации. Даже если желание есть, как его реализовать — непонятно.

Мешает и представление о том, что музей — это хранилище, склад ценных вещей. Нам часто предъявляют как нарушение некой конвенции: вы уже не музей, вы театр. После ваших проектов в музее не прибавляется единиц

хранения. Разве можно сдать в музей отношения в коллективе? Ответим вопросом на вопрос: а разве отношения между людьми не заслуживают того, чтобы их изучали, фиксировали и сохраняли? Музей нужен не только для того, чтобы хранить старое, но и для того, чтобы фиксировать современность. И это, конечно, не только почетные грамоты и кубки, предметы и документы, свидетельствующие о достижениях. Пусть документом, единицей хранения для музея будет видеозапись спектакля, в котором люди рассказывают о себе, о своей работе, о сегодняшнем дне.

Наш вербатим называется «Водоканал дословно», так как поставлен с коллективом городского водоканала. Кто мы, какие мы, что нас радует, что тревожит, что мы любим, во что верим? На эти вопросы отвечали рабочие, специалисты, руководители разного возраста и пола. И сам принцип вербатима мы довели до предела: в проекте не было актеров. Люди, выходявшие на сцену, не играли роли, они показали себя. Кому-то из них было страшно, кто-то стеснялся, а кто-то был в восторге, — они все разные, но все настоящие. Драматургический сценарий, музыкальное оформление, театральный свет, вкрапления концертных номеров сделали это действо динамичным.

В этом издании мы описываем свой опыт, чтобы помочь всем желающим его повторить. Кому-то — вдохновиться идеей, кому-то — не повторить наших ошибок. Использовать наш опыт могут не только корпоративные музеи. Это могут быть советы молодых специалистов или ветеранов, профсоюзные комитеты предприятий, любые инициативные группы, словом, все, кто захочет пройти этот увлекательный путь творчества и самопознания.

ИЗ ВОДОКАНАЛА
С ЛЮБОВЬЮ

Тайные смыслы Царицынской водокачки

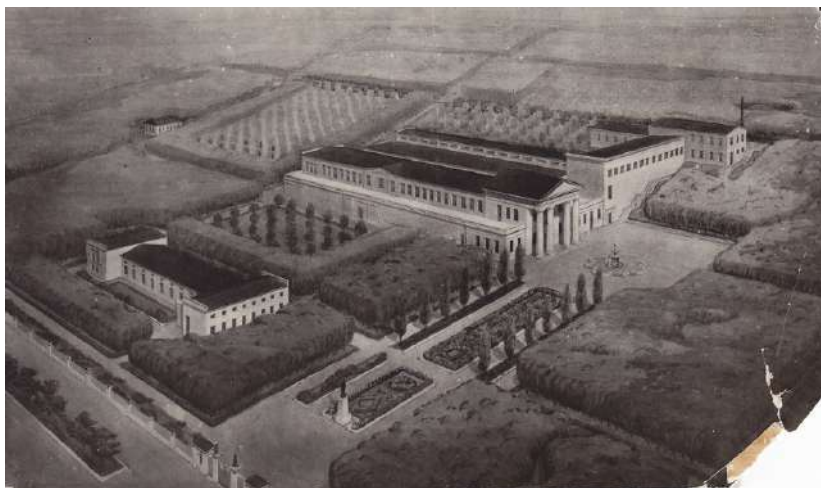
Коммунальное хозяйство в России сильно недооценено как источник социокультурных ресурсов, смыслов и инноваций. Начиная с XIX века, когда распространение технологий сделало доступным сначала водопровод, а за ним и другие отрасли ЖКХ в его современном понимании, строительство объектов коммунальной инфраструктуры стало знаком престижа для городской власти. Даже такая утилитарно-примитивная вещь, как водонапорная башня, своим размером показывала численность и богатство населения, а дизайном — амбиции знати. Выведенные из эксплуатации здания и сооружения водоканальной инфраструктуры продолжают служить и радовать: в них размещают музеи и галереи, центры для местных сообществ и даже жилье. Париж и Прага, Стамбул и Лондон, Буэнос-Айрес и Сеул, сотни или даже тысячи городов и городков мира бережно сохраняют свои водокачки и канализационные коллекторы, изобретают им новое назначение и реализуют порой весьма остроумные методы приспособления под новые требования к комфорту и безопасности.

В Волгограде, сохранившем не так уж много зданий дореволюционного периода, первая царицынская водокачка 1890-го и первая котельная 1914-го — это прекрасные образцы архитектуры того времени, когда сам факт наличия коммунального хозяйства был гордостью города.

Эта гордость сохранялась до середины 1950-х годов.

В 1926 году Совет Труда и Обороны принял решение о строительстве в Сталинграде единого водопровода (ныне это водоочистные сооружения «Северные» в Тракторозаводском районе). Главное здание этой крупнейшей в городе фабрики питьевой воды построено в том же стиле, что и театры, и дома культуры.

Комплекс Северного водопровода по замыслу должен был стать одним из самых красивых в Сталинграде. И хотя многое при строительстве упростили и удешевили, главное здание построили именно таким, как в проекте, с колоннами.

При строительстве новой сталинградской набережной в 1950-х краснокирпичное здание царицынской водокачки было накрыто «колпаком» в стиле сталинского ампира. У здания теперь два парадных фасада с портиком и колоннами. Один обращен к Волге, другой к городу. Здание должно радовать и горожан, и туристов, а потому повторяет очертания и стиль расположенного немного выше здания музыкального театра.

Эти архитектурные излишества — не от избытка денег или фантазии. Внешний вид коммунальных объектов подчеркивает ту роль, которую они играли в жизни горожан. Например, до запуска единого водопровода Сталинград занимал первое место в СССР по смертности от инфекционных заболеваний, связанных с плохой питьевой водой. Развитие коммунальной инфраструктуры всегда отставало

от потребностей города, но ввод в строй каждого нового объекта давал резкий рост качества жизни.

Дорогая в строительстве и сложная в эксплуатации коммунальная инфраструктура является продуктом общего согласия. Согласие нужно и по поводу способа финансирования, и по выбору технологий, и подходам к окупаемости. Водопровод — это антитеза войне, поскольку подразумевает непрерывное течение мирной жизни. Когда разрушается согласие — водопровод останавливается. Так было в 1918 году, когда подрывная команда уходящей из красного Царицына Донской армии взорвала водокачку. Так было в 1942-м, когда фашисты заняли резервуары чистой воды на высоте 102, которую мы теперь знаем как Мамаев курган, спустили воду и превратили баки в огневую точку. Чтобы выбить их оттуда, резервуары пришлось раздолбить ударами и с земли, и с воздуха.

На полотне панорамы «Сталинградская битва» единственное отчетливо прорисованное сооружение — это разрушенный резервуар городского водопровода. Не видно ни дома Павлова, ни элеватора, вообще никаких знаковых сооружений, — только то, что уцелело от водопровода. И для авторов этого полотна, и для тех, кто делал предыдущие версии панорамы, этот символизм был совершенно очевиден.

Единственное архитектурное сооружение на полотне панорамы — водобак, резервуар городского водопровода.

Для современного горожанина он то ли размыт, то ли вовсе утрачен, но возрождать его самим коммунальщикам некогда и не на что. А надо. Третье разрушение коммунальной инфраструктуры, которое пришлось на 1980-90-е годы, было вызвано уже не боевыми действиями, а неумелым или хищническим хозяйствованием. Местные власти рассматривают коммунальные МУПы как свои кошельки и источник бесплатной рабочей силы. Их передача в частные руки случалась неоднократно, но ничего хорошего не приносила: выкачав то, что смогли, частники возвращали инфраструктуру городу. А тем временем сети ветшали, оборудование устаревало, технологии обрастали мхом. У горожан накоплено множество претензий и негативных ожиданий. Даже с простым вопросом они обращаются к коммунальщикам уже заряженными на скандал. Горо-

жан нетрудно понять: опыт подсказывает, что за каждым декларируемым улучшением стоит чей-то меркантильный интерес. Очень трудно оценить реальные усилия и отделить их от имитации бурной деятельности.

Есть и еще один аспект. В Волгограде тема военного подвига настолько активно поддержана, настолько мощно этот социокультурный ресурс внедрен в повседневность, что город начал терять ощущение своей телесности. На первый взгляд в истории города и нет примеров развития с опорой на собственные силы, за счёт внутренних ресурсов.

Царицын стал русским Чикаго, когда построили железную дорогу. Одно только строительство увеличило население уездного городка в разы. Индустриализация 1920-30-х — снова грандиозные стройки и мощный приток населения. Восстановление города после Сталинградской битвы — тысячи людей со всей страны. За этими железными потоками не видны усилия тех, кто в любых условиях продолжал поддерживать хозяйство города, следил за его чистотой и здоровьем.

Город забыл и о самом мощном волонтерском движении XX века, родившемся на руинах Сталинграда, — Черкасовском. Движение названо по имени женщины, ставшей его лицом, — Александры Черкасовой, воспитательницы детского сада, которая в июне 1943 года вместе с подругами вышла разбирать завалы в разрушенном городе. Это движение — люди после работы выходили на вторую смену — охватило все пострадавшие от войны города СССР. Но сегодня о них не помнят даже здесь. Волгоград ждет чуда, которое позволит внезапно сделать город комфортным и красивым, а его хозяйство — современным и надежным.

В этих условиях компания «Концессии водоснабжения», которая с 2015 года управляет городским водоканалом Волгограда на основе концессионного соглашения, занимается модернизацией городского водопроводно-канализационного хозяйства. Концессии как механизм от-

личаются от других форм допуска частного оператора на этот рынок тем, что право собственности не переходит в частные руки, а все построенное в рамках концессионного соглашения становится собственностью концедента — то есть города.

Будучи публичной компанией и привлекая инвестиционные ресурсы на открытом рынке, концессионер должен учитывать два почти взаимоисключающих фактора. С одной стороны, это готовность горожан к скандалу, а с другой — интересы инвестора, который точно знает, что деньги любят тишину. Есть и третий фактор: в своих расходах компания не свободна. Как тарифная ресурсоснабжающая организация «Концессии» не имеют ни юридической, ни этической возможности тратить поступающие от горожан деньги на благотворительные и социокультурные проекты.

Зато есть другие ресурсы: преданный своему делу коллектив водоканала с умельцами на все руки, а также невероятно притягательная инфраструктура производства питьевой воды и очистки стоков. В плюс запишем и современный менеджмент, по определению открытый для инноваций, поскольку и сам концессионный проект — новаторский, почти пионерский. Значит, предприятию нужен партнер, который станет связующим звеном между ним — и горожанами. И нужна точка отсчета, платформа для диалога.

Этой платформой стал корпоративный музей. Он создан в 2010 году самими сотрудниками «для служебного пользования» на закрытой территории Царицынской водоканчки. Музей был закреплен за советом ветеранов Горводоканала, но для работающих членов совета музей был непосильной нагрузкой, а для ветеранов на пенсии — и вовсе обузой. Поэтому после торжественного открытия его заперли на ключ до 2015 года.

Любой социокультурный проект — это в первую очередь коммуникация. Автор, куратор проекта соединяет

людей с идеями и людей с ресурсами. В 2015 году по такому принципу реализован стрит-арт-проект городского водоканала на Мамаевом кургане, в каком-то смысле ставший модельным. Приходящие на мемориал люди идут мимо серого забора-черепашки, ограждающего резервуары чистой воды городского водопровода. Те самые резервуары, которые сыграли такую важную роль в Сталинградской битве, были разрушены и восстановлены, а впоследствии достроили еще и третий резервуар. На фоне общей красоты ухоженного мемориала выглядело ужасно, и к 70-летию Победы этот забор, конечно, всем хочется облагородить.

Водоканал деньги на краску найдет, но и только. С другой стороны, есть творческие люди, которые хотят выразить свои чувства, связанные с великой Победой. Решением стал проект «Молодежь Волгограда — с благодарностью за яркие краски мирной жизни». Художники Яна Конопатова и Ольга Либман разработали и воплотили оригинальное решение росписи забора, а на помощь им пришли десятки волонтеров, которых собрали в основном через социальные сети.

В новом образе стена перестала диссонировать с окружающей красотой, и даже колючая проволока больше не раздражает, ее просто не замечают.

Эта технология соединения идей и людей на основе коллективной памяти и стала основной во многих музейных проектах. Постоянным партнером музея стала АНО «Арт-медиа-центр развития музейных проектов «Коммуна». Учрежденная тремя увлеченными людьми некоммерческая организация работает проводником технологий социокультурного проектирования в коммунальное хозяйство. Привлечение грантов Благотворительного фонда В. Потанина, Фонда президентских грантов позволило дать красивым идеям достойное оформление.

Музей и Арт-медиа-центр «Коммуна» помогли выстроить вовлеченность приезжего персонала в городскую идентичность. Именно музей стал связывать ниточками

разорванные фрагменты городской истории. Изменился подход к репрезентации экспозиции. Музей стал показывать не историю предприятия, а городские истории, так или иначе связанные с коммунальным хозяйством: как водопровод и канализация влияли на качество жизни города и привычки горожан, как город и его хозяйство переживали переломные моменты истории города и страны.

Три колодца

В первый год работы концессионера в Волгограде — год 125-летия городского водопровода — установили памятный знак «Три эпохи водопровода». Он состоит из трех крышек водопроводных люков дизайна трех имен города: Царицын, Сталинград, Волгоград. По сути это вынесенный в общедоступное место повтор инсталляции из музея водоканала. Немного другой дизайн крышек, но суть та же: исторические вехи отражены в чугуне. Для фотосессий рядом установлена лавочка оригинального дизайна, фоном служит здание первой Царицынской водокачки. Горводоканал обеспечил крышки и рабочие руки, «Концессии» — работу дизайнеров, изготовление лавочки. Знак открывали дважды: к юбилею провели официальное открытие с участием главы города и других VIP-персон, позже было неофициальное музейное — чаепитие у самовара с участием культурной общественности, медиа-активных персон, сотрудников обеих компаний.

Несмотря на то, что металл не располагает к долгим посиделкам, скамья у трёх колодцев редко бывает свободна.

Учитывая необычность объекта, голод города на события, не связанные с войной, о новом арт-объекте сообщили все городские СМИ, его включили в путеводители как обязательный к посещению. Памятный знак получился по-настоящему сайт-специфичным, его привязка к конкретной точке, соответствие дизайна и места совершенно очевидны.

Посиделки с самоварами у «трех колодцев» (так в городе называют памятный знак) стали традиционными, только теперь музей проводит их на масленицу — как «Золовкины посиделки в музее». Гости приходят со своими блинами, а музей организует культурную программу — каждый раз новую и запоминающуюся. В первый раз самовары брали взаймы, а потом горожане подарили музею два самовара.

Вопрос о реставрации Царицынской водокачки в городе поднимался с 1990-х годов. Впрочем, усилия городских сообществ дали обратный результат: ранее никому не интересная территория начала рассматриваться как площадка для коммерческой застройки. Экспозицию музея пришлось вывезти с территории, мероприятия прекратить. Городские активисты сопротивляются, но чем все это закончится, бог весть.

А тогда, в 2016-м, горожане впервые получили возможность не просто прогуляться по закрытой территории, но и посетить самые потаенные ее места. Первая «Ночь музеев на водокачке» — это экскурсии для горожан, включавшие посещение законсервированных объектов городского водопровода, музея водоканала, просмотр коротких фильмов с проекцией на стену Царицынской водокачки. Посетителей пришло втрое больше, чем планировалось.

Спускаться в подземелья можно было только маленькими группами, поэтому горожане терпеливо стояли в длинной очереди.

Апология пустоты

Летом эксперимент продолжен: в конце августа на водокачке прошли события II Декады публич-арта « (Из) Обретая публичное: апология пустоты» / « (Re) Inventing the Public: Apologia of the Void». Команда, состоящая из волгоградских художников, под руководством кураторов по максимуму использовала социокультурные ресурсы музея. Половина созданных к декаде проектов была представлена на территории Царицынской водокачки.

Выбирая в качестве основной площадки недоступную прежде для горожан территорию, кураторы декады рассчитывали, что современное искусство станет механизмом ревитализации этого архитектурного комплекса.

Антон Вальковский, куратор декады:

Открытие декады в пространстве водокачки станет своеобразной апробацией того, каким это место может стать в будущем — центром притяжения местных сообществ, сценой для реализации музейных проектов и социокультурных инициатив, площадкой для событий в области культуры и искусства, а также средой художественного осмысления потенциала пространства, его исторического и культурного контекста. Художникам предложены для творческого осмысления темы, непосредственно связанные с водокачкой: Волга, экология, вода и ее очистка, история городских коммунальных служб, наследие царицынской архитектуры, неиспользуемые и неактивные городские пространства, городские легенды.

Готовясь к декаде, художники проникались атмосферой места. В ходе неоднократных встреч на территории водокачки и музея будущие авторы проектов знакомились с историей здания и водопроводного хозяйства города, драматичными эпизодами биографий работавших здесь людей.

Так, Юрий Дрик представил проект «Удивительный архив». При подготовке пространства водокачки к декаде паблик-арта среди старых документов — журналов операторов фильтров, инструкций и прочего — был найден необычный архив зарисовок. В этих скетчах можно узнать водокачку, но она наполнена странными персонажами и объектами. Графические листы, размещенные в шкафчиках для одежды, задают интимность взаимодействия зрителя с материалом. Посетитель экспозиции остается один на один с каждым листом, подобно тому, как рисующий оставался один на один с загадочными явлениями в безлюдном здании водокачки.

Анна Хоружая реализовала, пожалуй, первый в Волгограде сайнс-арт-проект «То, что между». Переноса следы соприкосновения людей на питательный раствор, художница выращивает в чашках Петри колонию бактерий. По-

лучившиеся абстрактные изображения — это визуализация межличностных взаимоотношений, исследование дружбы и любви на клеточном уровне.

Елена Олейникова. «Т.О.Т». Почему ТОТ человек в том пространстве и в том времени такой? Почему для одного человека пространство пустоты абсолютно пусто, а для другого является объектом хранения массы информации? Где грань, за которой пустота становится наполненной? Автор дала художественную интерпретацию этих вопросов светом.

ОКО VJs. «Капище осетра». В пространстве водокачки использовано помещение со стеклянной стеной, где прежде помещались рабочее место оператора и лаборатория. Рисование светом по заполненному дымом пространству сконструировало святилище в виде большого «аквариума» — своеобразный памятник рыбному промыслу, ставшему одним из факторов развития Царицына.

SCANDAL PRO (Яна Недоступова, Гала Измайлова). «ΣΧΑΤΟΝ». Этот перформанс — по сути аутотерапевтическое действие, переживание личностной травмы, утраты и принятие неизбежного. Фильтры стали местом «обряда перехода», интерпретирующего финал как второе рождение, переход в иное состояние.

Алексей Шилов. «РЕКА — ВОЙНА — ТРУБЫ — ГОРОД». По мнению художника, ДНК Водоканализационной системы состоит из этих четырех элементов, которые в разной последовательности определяют роль, которую водопровод играл в жизни города.

*— РВТГ — РВГТ — РГТВ — РГВТ — РТГВ — РТВГ — - ВРТГ — ВРГТ — ВТГР —
ВТРГ — ВГРТ — ВГТР — - ТРВГ — ТРГВ — ТВРГ — ТВГР — ТГРВ — ТГВР — -
ГВРТ — ГВТР — ГТРВ — ГТВР — ГРВТ — ГРТВ —*

DZOGABA OF BERLIN PROJECT. Вода Лубви. Когда-то давно маленький DZO мог часами сидеть на скамеечке рядом с Водокачкой, глядя, как пузатые, рыжие, как тыквы, поливалки заливают в себя воду. Это была особая вода — Вода Лубви. Теперь, примеряя на себя всё новые страны, DZO тоскует. И облакает свою печаль в смесь уничтожения и величия — коктейль, который становится особенно вкусным здесь и сейчас. Как и тогда, Водокачка качает особую воду.

Проекты декады были представлены на Триеннале современного искусства в московском музее «Гараж» (апрель 2017). Информация о состоянии современного искусства в регионах подавалась посетителям музея под слоганом «Страна, которую вы не знаете». В рамках Триеннале прошла сессия «Локальные истории искусства», на которой куратор декады Антон Вальковский, рассказав об истории совриска в Волгограде с 1980-х годов, подвел к работам декад паблик-арта «(Из) Обретая публичное».

Екатерина Володина. «Доска». Работа памяти начальника Центрального водопровода Якова Потапова содержит в себе аллюзии на основу деревянной иконы и отсылает к доске почета как способу прославления трудового подвига.

23 августа 1942 года во время бомбардировки Сталинграда загорелись очистные сооружения Центрального водопровода. Яков Петрович Потапов — начальник Центрального водопровода — предотвратил взрыв баллонов с жидким хлором, который мог привести к отравлению советских войск и горожан. Он уходил из охваченного огнем Сталинграда последним из коммунальщиков — переплыл реку, держась за доску. После окончания боевых действий на его плечи легла основная тяжесть восстановительных работ системы водоснабжения и канализации города. С группой рабочих в 10 человек при помощи войсковых

частей Потапов дал городу первую воду 5 мая 1943 года. Доска для него была средством спасения, но и сам Потапов дважды спас город от отравления хлором и от эпидемий. Яков Потапов стал одним из героев декады 2016 года, с этой даты началось его возвращение к горожанам из небытия, а работа Екатерины Володиной осталась в коллекции музея как аргумент — зачем коммунальщикам современное искусство.

Именно оно оказалось тем языком, на котором можно общаться с людьми в условиях, когда со всех сторон сыплется вербальный мусор. Люди, уставшие от избытка «продающей» информации, умеют уходить от агрессивно-навязывающей коммуникации-пропаганды. Приоритет речевого общения ушел в прошлое, необходимо обращение к чувствам, эмоциям. Задачи коммуникации смещаются с передачи сообщения на задачу понимания чужого опыта. Именно форматы искусства позволяют репрезентировать чужой опыт, дают возможность диалога и вовлечения в совместную деятельность. Только совместный опыт дает ощущение сопричастности.

Люк at me

Поскольку в мире сочетание коммуналки и искусства почти норма, «Концессии водоснабжения» не изобретали велосипед, но успешно применили мировую практику.

Название акции «Люк at me» отсылает к модному выражению *Look at me* — «посмотри на меня», точнее, «смотри, как я выгляжу, и повторяй».

Идею делать оттиски водопроводных люков на футболках горожан увидели у художественной студии «Raubdruckerin» (Берлин). Эта творческая группа поставила на поток изготовление сувениров в виде отпечатков крышек на одежде. Отличная идея, но дорогая реализация: футболка с таким отпечатком стоит 59 евро, простая

сумка — 20 евро. В описаниях фигурирует специальная краска. Можно приобрести как готовое изделие, так и набор для самостоятельного изготовления оттисков.

В 2016 году музей изучил вопрос вместе со специалистами по текстильному производству. Оказалось, что обычная типографская краска отлично справляется с этой задачей. Единственный недостаток — ее нужно сушить, что неудобно на улице. Но процесс можно ускорить, если прогладить рисунок утюгом через несколько слоев старых газет. А если вовлечь в изготовление горожан, то получится событие, о котором будут помнить долго.

Кстати, очень часто изготовление оттисков считается неким партизанским актом: ведь у собственников не спрашивают разрешения. Нам было проще, мы сами собственники. К тому же у нас есть «три колодца», где можно выбрать дизайн одной из трех эпох городской истории: Царицын, Сталинград или Волгоград.

По требованию горожан акцию проводили дважды.

Акция совместила моду и коммунальное хозяйство: горожанам предложили принести к памятному знаку «Три эпохи водопровода» свои майки, рубашки, сумки, на которые художники нанесут отпечатки водопроводных люков, входящих в композицию знака.

Люки, закрывающие колодцы подземных коммуникаций, — неременный атрибут городского хозяйства. В России они появились в 1900-е годы вместе с первыми телефонными линиями. Массовое строительство водопровода и канализации распространило их повсеместно. И хотя большинство горожан не обращает на них никакого внимания, есть люди, которые коллекционируют фотографии люков из разных городов и стран. Есть такие коллекционеры и в Волгограде. Они наизусть знают, где в городе сохранились люки царицынского дизайна, где — сталинградского, могут рассказать, где они сделаны и когда. Причем места расположения самых ценных держат в тайне, чтобы их не похитили «черные» коллекционеры, собирающие не фото, а сами люки. Считается, что первая в мире глобальная сеть — это интернет. Однако сеть водоснабжения и водоотведения соединила человечество через мировой океан значительно раньше.

Изготовление отпечатков портала в глобальную коммунальную сеть превратилось в настоящий хэппенинг. Из оборудования потребовались лишь гладильная доска и утюг. Куда включить утюг на набережной? Водоканал всегда выручит: надо — значит, включим.

Остроты действу добавили горожане, которые обнаруживали действо случайно и снимали с себя одежду прямо на улице. Организаторы спорили: найдется ли девушка, которая так поступит? Нашлась.

Люди выбирали люк, расположение рисунка на своей майке (спереди или сзади, отпечаток полностью или в прямоугольной рамке), некоторые приносили листочки деревьев, будто бы прилипших к крышке, чтобы и они отпечатались на майке.

По требованию горожан действо пришлось повторить. В первый раз акцию провели в День города, и пресса назвала это самым ярким событием празднования, второй раз — месяц спустя. Всего за два захода изготовили около 600 маек и сумок. Художники Станислав Азаров и Ольга Либман становятся постоянными творческими партнерами музея.

Позже С. Азаров реализовал в этой технике свой творческий проект: портрет Царицынской водокачки в оттисках фактурных поверхностей стен, лестниц и других элементов здания.

Волга во мне

В 2017-м горожане сняли фильм «Волга во мне», рассказывающий о том, как река через водопровод попадает в наши дома, в наши тела, а потом возвращается обратно, пройдя через город. Но ведь она же не вся возвращается? Что-то же остается? Волгоградец на пресловутые 80% состоит из волжской воды. Значит, Волга в каждом из нас, «Волга во мне».

Дарья Кострицына прошла весь путь воды с видеокамерой.

Для съемок фильма нужно было немного: решиться впустить в свои святая святых посторонних людей и позволить снимать все, что их интересовало и вдохновляло.

Для участников проекта было два ограничения: не быть связанными с журналистикой и не работать в ЖКХ. Нужен был незамутненный опытом взгляд. На старте в команду записалось под сорок человек. Четверо сумели дать пристойный материал для фильма. До финальных съемок дошли двое.

Изначально у фильма не было даже сценария. Был маршрут экскурсий по объектам всего технологического цикла — от водозабора и водоочистки до очистных сооружений канализации. Горожане смотрели и снимали, кто на камеру, а кто и на телефон. Были отсняты гигабайты видеоматериала, а впечатления подсчету не поддаются. Такой же непрофессиональный монтаж, озвучка — фильм без наворотов и изысков подкупал зрителя своей искренностью. В нем не было ни хвастовства, ни критики, ни дидактичности. Просто одни горожане рассказывали другим о том, что увидели своими глазами.

Вячеслав Красный был одним из двоих посетивших все объекты съемки.

Волгоградцы оценили это еще на стадии информирования о музейной ночи: на каждый киносеанс вместо расчетных 30—50 человек приходило по 200—250.

Один из гостей написал: не ожидал, что на водокачку будет очередь, как в мавзолей. На фото одна из групп на экскурсии во внутреннем дворе.

Изюминкой фильма стал его саундтрек. Песня «Источник рассвета» регги-группы «Глобальное потепление» в фильме звучала минусовкой, без голоса, а после последнего сеанса самые стойкие зрители слышали ее вживую — концерт группы на водокачке начался в полночь.

Солист и автор группы «Глобальное потепление» Алексей Гривенко — рабочий водоканала. Этим и объясняется выбор музыки для фильма.

«Волга во мне» на Youtube: <https://goo-gl.ru/4ZxC>

Путь воды

Лето-2017 началось со стрит-арт-проекта «Путь воды». Он реализован по уже апробированной водоканалом схеме: художники и около 40 волонтеров расписали еще одну «черепашку» — вокруг водоочистных сооружений в Тракторозаводском районе Волгограда. Изначально это был Северный водопровод, а сейчас — ВОС «Северные».

Ольга Либман была менеджером проекта, Станислав Азаров — автор эскиза и главное действующее лицо, Яна Конопатова помогла Стасу.

Вместе с художниками работали волонтеры. Были случаи, когда для желающих краску и кисти прятали в кустах, чтобы люди могли успеть поработать до начала своего рабочего дня. Они приходили рано утром, когда художники еще спали.

Фильтры водоочистных сооружений оказались настоящим источником вдохновения. Об этом вы прочтете в главе «Банка данных» — рассказ о банке С. Азарова.

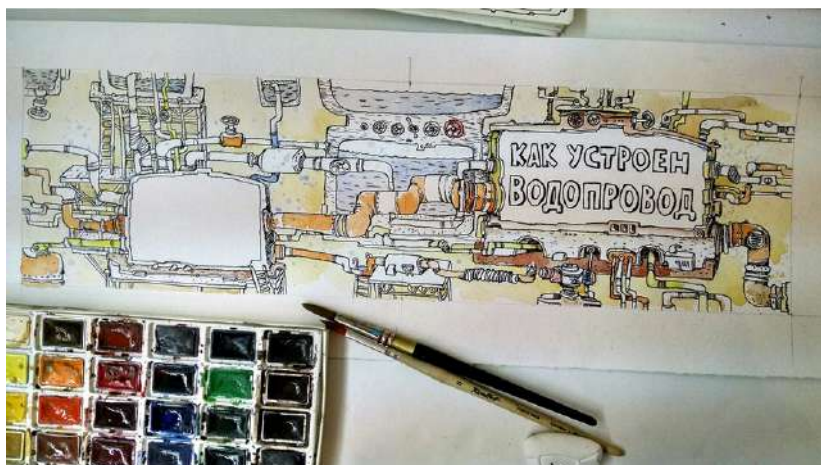

Волонтерам дали возможность оставить личный след на стене — отпечатки измазанных краской ладоней.

Художник Станислав Азаров нарисовал на стене то, что находится внутри: устройство водопровода от забора воды до чайника в квартире.

Сюжетный рисунок сделал бетонный забор прозрачным: теперь любой прохожий может увидеть, какой долгий и сложный путь проходит вода из Волги до крана. Это самый большой сюжетный стрит-арт Юга России: почти полкилометра.

По мотивам этого забора сделали детскую раскраску «Как устроен водопровод».

Раскраска получилась такая же длинная, как и водопровод, — 4 метра.

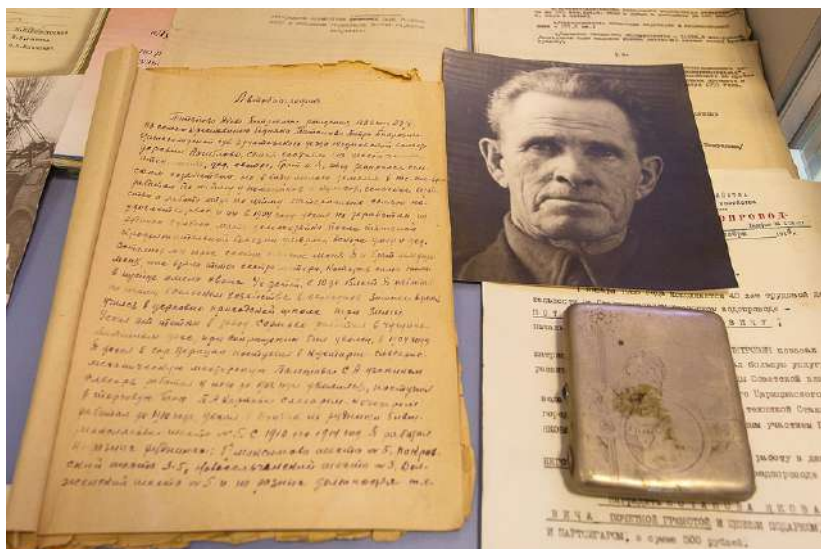
А на день города ее однажды распечатали на два с лишним десятка метров. И дети вместе с родителями ползали по ней, раскрашивая и дополняя подробностями: птичками, котиками, рыбками.

Гравюра С. Азарова по мотивам стрит-арта «Путь воды» прекрасна и сама по себе, и как клише для печати на текстиле.

Потапов вернулся

«Доска» Екатерины Володиной вернула городу забытого героя. Её интерес к драматичной истории жизни этого человека показал: пора.

Чудом сохранившаяся в корпоративном архиве автобиография Якова Петровича Потапова — настоящее сокровище музейной коллекции.

Взрослых горожан на экскурсии потрясает тот факт, что водопровод в Сталинграде был запущен всего через три месяца после окончания кровопролитной битвы. Дети с интересом изучают почерк, которым написана автобиография, отмечают отсутствие орфографических ошибок у автора, который три зимы отучился в церковно-приход-

ской школе. А у коммунальщиков сильное потрясение вызывает, казалось бы, очевидный факт, о котором никто не задумывается. Ни в одном городе СССР бомбардировки и уличные бои не приводили к утечке хлора, хотя жидкий хлор использовался повсеместно. Осознавая свою ответственность, водоканальщики принимали такие меры, что даже под массированными бомбардировками Сталинграда в августе 1942-го баллоны с хлором не стали источником химической атаки на город. Специалистов, понимающих, что такое жидкий хлор и какие нужны меры предосторожности в работе с ним, этот факт трогает до слез.

Работа Екатерины Володиной помогла сделать рассказ о Потапове более выразительным. Конечно, это было ключевым моментом каждой экскурсии в музей. Кроме того, когда в 2017 году в Волгограде открывали интерактивный исторический парк «Россия. Моя история», музей водоканала внес историю Потапова в региональную составляющую экспозиции. Теперь его имя стоит в одном ряду с легендарными именами Михаила Паникахи, Василия Зайцева и Алексея Маресьева.

Люди, которые вернули город к жизни, заслуживают нашего уважения.

На тот момент дата смерти Потапова была неизвестна.

В 2018-м Потапов стал героем спектакля «Белое платье», который за два показа посмотрели более 2 тысяч горожан. Но об этом будет отдельный рассказ.

После первого показа в Волгоградской научной библиотеке им. М. Горького открыли выставку фотографий и документов «Отстояли и отстроили», посвященную 75-летию Черкасовского движения. На выставке были представлены редкие фотографии из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва», Государственного архива Волгоградской области и нашего музея. Эта коллекция собрана в ходе подготовки спектакля. Есть здесь и фото о восстановлении водопровода — главного объекта инфраструктуры жизнеобеспечения.

Портрет коммунащика наконец занял достойное место.

Выставка «Отстояли и отстроили» стала частью интерактивной экспозиции «Made in Volgograd», где волгоградцы и гости города смогли узнать об истории Царицына-Сталинграда-Волгограда и региона в целом, об уникальных природных памятниках, о выдающихся деятелях культуры и спорта, о предприятиях, прославивших регион. Прямо во время открытия выставки собравшиеся совершили символический жест: под аплодисменты повесили в центр экспозиции портрет Якова Потапова. Так мы все вместе восстанавливаем историческую справедливость в отношении забытого горожанами героя-коммуналиста.

А в ноябре «Концессии водоснабжения» впервые вручили корпоративную награду «За верность водоканалу». Медаль, учрежденная к 130-летию Якова Петровича Потапова и посвященная его памяти, призвана напоминать коллективу о том, что подвиги бывают не только на войне, но и в мирном труде. Три работника, награжденные этой медалью, по-разному проявили себя в служении делу.

Маленькой наградой за эти усилия стала работа пятиклассницы Ярославы Дьяковой, подготовленная ею для VI Международной учебно-практической конференции «Первые шаги». Вместе с педагогом-краеведом Натальей Ракичиной ученица школы №81 исследовала биографию Потапова. Внимание юного исследователя привлек тот факт, что три класса церковно-приходской школы дали нашему герою высокий уровень грамотности. Вот так наш герой потихонечку возвращается в городское сознание.

Исследование этой яркой фигуры городской истории будет продолжаться. Нынешний закон о защите персональных данных не позволяет музейщикам запрашивать в архивах личные дела своих героев раньше, чем через 50 лет после смерти. Или с согласия родственников. Поскольку о родне Потапова ничего не известно, и найти ее мешает тот же самый закон, пришлось сплести целую интригу, чтобы установить дату его смерти: 19 ноября

1968 года. Значит, теперь можно. Узнали и место его захоронения: Димитриевское кладбище в Волгограде. Но, хотя известен номер могилы, ее саму найти пока не удалось. Будем искать. Хотелось бы однажды прийти к нему с цветами и сказать спасибо за всё, что он для нас сделал.

Директор «Концессий водоснабжения» Валерий Казанцев вручает первую в истории водоканала медаль памяти Потапова начальнику цеха капитального ремонта Юрию Чевтаеву.

Царицын-на-воде

Благодаря поддержке программы «Музейный десант» Благотворительного фонда В. Потанина концепцию нового музея разработали ведущие музейные специалисты России.

Сергей Ковалевский, Красноярск. Арт-директор Красноярского музейного центра «Площадь мира». Легенда в музейном мире страны. Бывший XIII филиал музея В. И. Ленина ныне превращен его усилиями в настоящий центр современного искусство, где искусство становится важным проводником и интерпретатором советского наследия. О проводимых под его кураторством музейных биеннале на «Площади Мира» пишут все ведущие СМИ страны.

Дмитрий Меркушев, Пермь. Архитектор ООО «Новый город». Лауреат архитектурного конкурса «Пермский деревянный дом». Его специализация — экспозиционный дизайн и реконструкция исторических зданий. В его портфолио — дизайн музея «Пермские моторы», экспозиций выставок Пермской государственной художественной галереи, Уральского филиала ГЦСИ-РОСИЗО. Проектную деятельность Дмитрий соединяет с педагогической и обучает школьников работе с объемом и пространством в Пермской школе дизайна «Точка».

Игорь Сорокин, Саратов. Автор ряда проектов с Благотворительным фондом Владимира Потанина, в частности, «Атлас рима: руководство саратовскому водохлёбу». С именем Игоря Сорокина в профессиональном сообществе уже прочно связано понятие «рассредоточенный музей»: до него в России никто ничего подобного не делал. Он воспринимает город как открытый музей, разбросав-

ший свои экспонаты по огромной территории. Экспонаты и музейные истории идут в город и, наоборот: с городскими историями экспонат находит объяснение и обретает смысл. Слово «рим» в названии его самого известного проекта — собирательный образ процветающего города, обильно снабжаемого водой из естественных источников.

Евгений Стрелков, Нижний Новгород. Зав. отделом виртуальных программ музея «Нижегородская радиолaborатория». Широко известен как художник, дизайнер, режиссер анимационного кино, музейный проектировщик, поэт, автор работ в жанре «книга художника», ландшафтных художественных проектов и пространственных инсталляций. Работы Евгения связаны с темами места и памяти, но особое значение для него имеет тема Волги — как её география, так и история. Как гармонично повернуть реки вспять? Каких сирен любят жители разных городов? Как звучат волжские водохранилища? Работая на пересечении нового краеведения, сайнс-арта и художественной мистификации, художник проблематизирует наследие недавней истории.

Новую концепцию разработали лучшие музейные проектировщики страны.

Проект назывался «Царицын-на-воде», потому что ставил целью связать историческое наследие с коммунальными — общими — ресурсами города. Проектная группа обследовала расположенные на территории комплекса объекта культурного наследия «Царицынская водокачка» здания и сооружения. Горожане бывали на этой загадочной территории, но смотреть — еще не значит видеть. Взору архитектора, дизайнера, музейщика открываются нюансы и подробности, которые не замечает даже самый внимательный экскурсант. Внутри ограды водокачки (а ограда сама по себе — объект культурного наследия) прячутся сложные и даже драматичные моменты истории водопровода, а значит — и самого города.

На первом плане здание водокачки, розовое за ним — фильтры, а слева — музыкальный театр. С 1950-х все в одном стиле, в гармонии.

У известного всем белого здания с колоннами два крыла. В центральной части здания три этажа, а крылья по бокам — одноэтажные. Оно построено в 1890 г., расширено в 1914 г., восстановлено в 1940-х. А в 1950-х бывшее царицынское здание реконструировано с изменением стилистики главного фасада по проекту архитектора Бориса Геккера. В новом облике водокачка гармонирует с величественным ансамблем набережной, перекликаясь с пропилеями главной лестницы. Наверное, это единственное в городе здание с двумя фасадами: архитектор хотел, чтобы оно было красивым и для тех, кто смотрит с Волги, и для прогуливающих по верхней террасе набережной. К нему в 1997—2000 гг. со двора пристроена административная двухэтажка из силикатного кирпича.

Неискушенному горожанину кажется, что пристройка испортила вид, а архитектор отмечает исключительную оригинальность этого решения, видит попытку неизвестного строителя добиться гармонии. И пусть попытка довольно неуклюжая, но она характеризует и время, и отношение людей к месту, к своей работе.

Безымянный строитель двухэтажки из силикатного кирпича старался соответствовать стилю соседнего ампирного здания.

Игорь Сорокин:

Комплекс зданий водокачки — это своеобразная проекция истории города. Царицынские здания в Волгограде спрятаны внутри кварталов. Такой город в городе. Снаружи — большие дома, помпезность, прямые линии кварталов и проспектов, а внутри — память Царицына. Один город, накрытый другим городом, присутствует и в водокачке. В одной точке сошлись царицынское

промышленное здание, сталинский ампир — и условно говоря «хрущёвка» из силикатного кирпича. Похоже на что-то спрятанное в ладони. Люди заглядывают через стену, но мало кто бывал внутри.

Мы посчитали вертикаль от хромированной лавочки с тремя люками до шахты водозабора в самом старом здании водокачки — получается перепад высоты примерно с 10-этажный дом. Колодец времени. Это пространство для нас выросло в вертикальном измерении.

И еще нам постоянно приходит образ сада. На территории водокачки нет усадебной культуры, но она просачивается. Огромное количество зашифрованных слоев этого места включает воображение. Эту тайну нужно не расколдовывать, а поддерживать музейными средствами.

Евгений Стрелков:

Чтобы перевернуть представление горожан о городе, необходима точка опоры. Волгограду повезло, у него есть такая точка — Царицынская водокачка. В ходе проектной сессии мы рассмотрели ее с разных сторон. В этом объекте сошлись сразу несколько смыслов: это одновременно индустриальное, инновационное и кросс-культурное место. Еще один очень важный фактор заключается в том, что здесь сходятся три мощные силы — бизнес, власть и городское сообщество. Эта точка сборки города локальная и поэтому недорогая с точки зрения необходимых для ее развития ресурсов. Нам кажется, что это огромная удача для вас. Далеко не у каждого города есть такая уникальная возможность. Царицынская водокачка — самое удобное место для запуска трансформации культурного пространства Волгограда.

Сергей Ковалевский:

Мы видим эту конструкцию — матрешку с несколькими слоями архитектуры и смыслов. Вдохновляет индустриальное пространство здания фильтров, а когда мы выходим в этот красно-желтый парк во внутреннем дворе, с этими дворянскими колоннами... Да, я знаю, что они сталинские, но дворянский усадебный архетип считывается сразу. Это камерное, сомасштабное человеку пространство, чего не так уж много в городе. Крупномасштабного,

своего рода имперского Волгограда много. Уютным Волгоградом следует дорожить. На этой площадке можно создать модель города».

Современная конструктивистская архитектура пришла из промышленности. Модернизм активно копировал то, что делали в промышленности. А здесь как раз старая промышленная культура: brutальные бетонные стены и полукольца из кирпича. Есть такие территории для развития новых технологий, которые называют greenfield. Это технопарки на зеленых лужайках, как, например, школа для персонала Сбербанка. Там в прекрасном ландшафте рождаются технологии и смыслы. А есть понятие brownfield — заброшенные пакгаузы и пивоварни, бывшие заводские или фабричные территории, которые при минимальной доработке идеально подходят для компаний, работающих в креативной сфере. На водокачке brownfield и greenfield объединяются в одном месте. С одной стороны, цветущий сад и виноград, а с другой — старый кирпич, который хранит городскую память. Когда Дмитрий Меркушев добавит туда элементы современного хайтека, это будет невероятно притягательным местом.

Анализируя ресурсы и потенциалы водокачки, мы увидели, что водопровод — это антитеза войне. Это сеть, которая должна работать непрерывно, что практически невозможно в военных условиях. Мы предлагаем музею как ядру культурного кластера начать запитывать историю, память и воображение горожан живой водой. Не будем забывать и о мертвой воде. Величие трагического подвига должно быть актуализировано. И это происходит благодаря паре «живой» и «мертвой» воды, на контрасте. Водопровод — это жизнь. Сильная идентификация горожан на военной теме, теме подвига должна немного уступить жизни. А водопроводный насос символизирует мощь жизни, распространение живительной влаги».

Многие города и регионы Великобритании, Германии и других стран получают новый импульс развития от культурных институтов. Культура работает с ценностями и со смыслами. Мы надеемся быть полезными этому развивающемуся городскому организму. Формально мы приехали заниматься музеем водопровода, но в ходе работы стало понятно, что это слишком узкая рамка: будет разработана концепция развития не только музея, но и территории. Царицынская водокачка может создать очень важный для Волгограда прецедент конверсии индустриальной эпо-

хи в совершенно иную, смысловую эпоху. Опираясь на эту площадку, можно вообразить будущее. Она достаточно технологична не только как объект коммунального хозяйства, но и в области культуры — как основа для производства смыслов, ценностей и образов.

Дмитрий Меркушев:

Это сложный и многомерный объект. Внутри него, в зависимости от уровня, с какого мы наблюдаем, видится множество периодов исторического развития города. Это необходимо раскрыть и продемонстрировать людям.

Образ сада, усадьбы приходит на память каждому, кто оказывается за оградой Царицынской водокачки.

Как работают эти смыслы и образы, горожане могли увидеть на публичных лекциях, которые члены проектной

группы провели для всех желающих в креативном пространстве «ЛОФТ1890».

15 мая 2018 года в лектории Исторического парка «Россия. Моя история» волгоградцам презентовали концепцию Музея историй чистой воды «Фильтры». Корпоративный музей водоканала получает новое название. Базовый принцип концепции — многообразие взглядов на любой предмет. Поэтому история не одна, а множество, а они у всех свои. «Фильтры» не имеют жесткой специализации как исторический, технический или художественный музей. Он соединяет все эти возможности. Здесь история города раскрывается через историю его коммунального хозяйства: водопровод как антитеза войне, поскольку подразумевает непрерывное течение, движение воды.

Концепцию музея историй чистой воды «Фильтры» горожанам представил архитектор Дмитрий Меркушев.

Концепция предлагает свежую интерпретацию царичинского индустриального наследия, сопоставимую с мировым уровнем запросов к таким проектам. Эта часть концепции вызвала наибольший интерес. По мнению выступивших в обсуждении членов совета Волгоградского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Валерия Котельникова, Галины Шипиловой, Дениса Шилихина, в концепции есть очень интересные решения, которые необходимо тщательно проработать с точки зрения соблюдения законодательства об охране культурного наследия. Председатель отделения ВООПиК В. Котельников выразил готовность к сотрудничеству. Он сказал, что городу остро не хватает общественных пространств, и создание такого пространства на основе промышленного наследия — это очень своевременный проект. Очень тепло отозвался о концепции предприниматель, меценат, член общественной палаты Волгоградской области Андрей Сукачев. По его мнению, представленная разработка настолько необычна и интересна, что ее реализация сделает наш город привлекательнее.

Работа проектной группы завершена, проект представлен горожанам. Будет ли у города такой музей? Пока не слышно ничего ободряющего. Но мы помним: в России надо жить долго. Один из самых известных музейных проектировщиков страны, патриарх отрасли Алексей Лебедев утешил нас: было и так, что разработанную им концепцию реализовали спустя 20 лет. Ждем...

Банка данных

В конце 2018 года, накануне Нового года, музей пригласил друзей стать участниками выставки «Банка данных».

Игрушка из далекого детства напоминает о другой детской истории — как дарившая радость река вдруг становится смертельно опасной.

Главная ценность музея — это не столько экспонаты, сколько связанные с ними истории. Ваши истории. Ваши надежды, ваши воспоминания и мечты, ваши радости и ваши секреты, ваши печали и сомнения. Выставка «Банка данных» работала всего один день, но экспонаты хранятся в музее, а коллекция пополняется.

Чистая вода — это сильный образ и легко считываемая метафора.

Чтобы принять участие в выставке, нужно было принести в прозрачной стеклянной банке предмет, с которым связана история из жизни. Что это может быть за предмет? Да что угодно. Записка, игрушка, пуговица... Главное, чтобы история была связана с темой воды (или жидкости). Наша жизнь — это поток воспоминаний, в котором вода — всегда важная метафора. Наши пот и кровь. Наши слезы. Наши темные воды. Чей-то случайный запах духов. Мы набираем воды в рот, не в силах сказать главное. Толчем воду в ступе, не решаясь на серьезный поступок. Наше время течет, как вода сквозь пальцы. Вода наполняет жизнь, радуга дарит радость, мечтая, мы витаем в облаках. Сияние солнечных бликов на реке, пузыри на луже под дождем, шелест дождя и шум водопада — сколько их, этих образов в нашей памяти? Свою историю можно было подписать, но большинство авторов выбрали анонимность,

почему — вы поймете, прочтя некоторые из них. Они настолько личные, исповедальные, что, кажется, авторам нужно было проговорить их, чтобы отпустить на волю.

Выставка состоялась, а сбор коллекции продолжается. Летом 2018-го выставка стала выездной — ее показали участникам и гостям областного конкурса профессионального мастерства «Водоканал. Лидеры-2018».

Что дарят в музее воды, когда хотят поблагодарить за экскурсию?

...И сережку из ушка

Как благодарят экскурсовода, если время, проведенное в музее, доставило искреннюю радость? Запись в книге отзывов — это традиционно. Но иногда эмоции требуют более яркого выхода. И тогда...

Музей водоканала собирает коллекцию сувениров от наших гостей. Детская группа, досконально изучившая все за-

коулки Царицынской водокачки, оставила о себе на память стеклянную рыбку, потому что экскурсовод чувствует себя в своей тематике, как рыба в воде. Так и сказали.

А на память об одной музейной ночи остались... серёжки. От избытка нахлынувших чувств девушка, наверное, сняла их с себя. Впрочем, никто уже этого точно не помнит. Да и где было в таком многолюдье приглядываться к бижутерии гостей? Зато вот теперь можно их разглядеть в деталях.

Молодая вода

Одеколон «О'Жён» — это запах детства. Запах мамы. В детстве мне казалось, что он пахнет мармеладом «лимонные дольки», а еще — выходным днем, когда мы с мамой идем гулять. И это будет длинный-длинный и интересный день. У мамы это был аромат «на выход», она не пользовалась им каждый день, поэтому я знал, что будет, если из маминой комнаты запахло лимончиком. Может быть, мы пойдем в ЦПКиО, может, на набережную, неважно, но мы проведем весь день вместе и поговорим обо всем на свете.

Этот запах и день с мамой так крепко связались в моей голове, что однажды я решил побыть для себя волшебником. Я все продумал: обольюсь ее одеколоном, мама почувствует запах и поймет, что пора собираться гулять. И я облился. Я ОБЛИЛСЯ!

Рубашка... штаны... лужица одеколона на полу... Я смотрел на нее, голова кружилась от запаха и предвкушения ужасных последствий. Я не знал, что сделает мама. Может, отругает меня. А вдруг она так расстроится, что заплачет? Я только один раз видел, как мама плачет, но я не хотел больше видеть это никогда, никогда.

Так я и сидел над этой лужей. А мама? Она увидела моё

лицо и... Просто обняла меня. И вот тогда я заревел. Заревел так, как не пристало реветь взрослому шестилетнему пацану. Мама гладила меня по голове и утешала, обещая, что мы обязательно еще пойдем гулять, что одеколон купим новый, да и стоит ли так убиваться — вода и вода, и слёзы — вода, и уж не собираюсь ли я утопить ее? И тогда мы стали смеяться. И от нас обоих пахло одеколоном.

Тогда я еще не знал, что Еаи Жеппе — это и значит буквально «молодая вода». Для меня это запах того времени, когда деревья были большими, а мама была молода. Мне кажется, если я встречу женщину, которая так пахнет, она сможет делать со мной все, что захочет. Но я ее пока не встретил.

Глазки-бусинки

Родился я на берегу Каспийского моря. Красота моря и уникальный цвет воды моего детства не покидал меня никогда. Так сложилось, что мне пришлось много поездить по стране. Да и за пределами её побывал немало. Красота других, безусловно, очень красивых и общепризнанных морей и внутренних водоёмов (к примеру, Байкала) в моём сердце не смогла подвинуть любовь к родному Каспийскому морю.

У каждого есть свои экстремальные воспоминания. Есть они и у меня. В возрасте 10—11 лет я научился сносно плавать. Уверовав в свои безграничные возможности, в очередную вылазку на дикий пляж (кто из местных жителей будет плавать на городском?) с друзьями, изрядно надурочившись, мы бросились плавать на спор... кто дальше заплывёт. В запале заплыл далеко. Когда понял, что не рассчитал свои силы, резко повернул назад и поплыл к берегу. Ребят рядом не было, никто не рискнул заплывать так далеко. Рассчитывать надо было только на себя.

Не знаю, сколько я проплыл, но руки перестали слушать-

ся. Отчаяние стало захватывать меня. Животный страх сковывал всё тело и отнимал последние силы... Вдруг рядом со мной вынырнула голова каспийского тюленя. Бусинки глаз смотрели на меня (как мне тогда показалось) с жалостью. Он стал толкать меня снизу под живот, помогая держаться на плаву. Странное ощущение сопричастности этого очень милого животного придало мне сил. Не помню все детали этого заплыва к берегу, но, когда я вылез из воды, мои друзья с нескрываемым удивлением рассказали, что тюлень достаточно долго вёл меня к берегу и оставил только тогда, когда уже стало понятно, что со мной уже ничего не может случиться плохого...

Бусинки его глаз запомнил надолго.

Апрельский дождь

К ночи пошел дождь. Был апрель, мы сидели в беседке на набережной, ели шашлык и пили вино. Мы пришли сюда, потому что я прогуляла субботник.

Как-то так вышло, что я пропустила объявление, а мой коллега рассчитывал меня наградить за хорошую работу вкусной едой. Время в стране было голодное. Курица на двоих — роскошное пиршество. А я не пришла. В понедельник, до которого курица не дожила, выяснилось, почему. Теперь уже я расстроилась. Мало того, что коллектив меня поминал совсем не добрым словом, так еще и курица эта... Вы, может, забыли, но в начале 1990-х еды в магазинах не было совсем. Или была, но по бешеным ценам. И тут мой будущий муж совершил поступок, определивший нашу совместную жизнь: пригласил меня на шашлык.

Вы же тоже помните заведение «У дяди Миши», которое стояло у водокачки? Сначала это была шашлычка, а потом вокруг появились беседки. Вот в такой беседке мы и устроились.

В радиоприемнике играла тихая музыка, мы ели и разговаривали, разговаривали... А потом пошел дождь. И стало холодно. Увлеченная беседой, я не сразу заметила, что прямо-таки околела. Даже пальцы перестали гнуться! И вот тут он впервые взял мои руки в свои. Чтобы согреть. Потом он говорил: именно в этот момент понял, что любит. Как будто плотину прорвало. А до этого — мне казалось — мы даже не флиртовали. Просто часто вели задушевные разговоры. И вот этот холодный апрельский дождь...

Зайца из пушистой пряжи я ему почти за год до того дождя подарила на день рождения. Просто не придумала ничего другого. Купить было нечего и не на что. А найти дома клубочек и связать зайчика — что ж проще?

В этом году уже 15 лет, как его нет в живых. А зайчик остался. Пусть он живет у вас — как память об апрельском дожде, который смыл все барьеры.

«Больше никогда!»

Самое важное и лучшее в моей жизни началось так болезненно, что словами не передать, но я попробую. Ну вы уже поняли, да? Лучшее, что я сделала в жизни, — родила сына.

Полумрак ночного роддома. На огромную палату размером со школьный класс — два слабых ночника и две кряхтящие страдалницы. Тихо. Темно. Ночь перед Рождеством, на минуточку. Сознанию, чтобы отвлечься от боли, зацепиться в этих гнетущих сумерках не за что от слова «со-всем». А у меня — все, как по книжке, долго и нудно, хоть по часам с акушерским учебником сверяй. По долгим, мучительным 12 часам, по нарастающей, без передышки.

А боль-то, оказывается, бывает очень разной... Единственная мысль, которая осталась в голове после нескольких часов родовых выкрутасов: «Да чтоб я еще хоть раз!..»

От безысходности даже сползала по стеночке к сестринскому посту, где наивно и тщетно выпрашивала у медсестер «какую-нибудь таблеточку, любую, чтоб хоть на 15 минут перерыв». Ну невозможно же это безостановочно терпеть, невыносимо!!! Сестрички похихикали и объяснили, что такую таблеточку еще не придумали, а всякие там баралгины не помогут, и выход у меня есть только один — терпеть, когда-нибудь это закончится. Это и закончилось. Сами роды по сравнению с многочасовыми схватками — фигня фигней, просто уже потому, что это быстрее и там много всякой отвлекающей движухи, даже поорать некогда.

В процессе мучений начитанная часть меня с ужасом вспоминает: женская психика устроена так, что через несколько дней после родов начисто стирает все воспоминания о боли! Иначе род человеческий сильно рискует оборваться на лету. Ёлки-палки, это что же получается?! Я сама себе через неделю не поверю, что это было невыносимо?! Так появилась эта записка. На самом деле, не эта, конечно. Ту записку я через неделю выкинула от греха подальше, на трезвую голову поняв, что я сильно преувеличила, — вполне себе все было терпимо. Психика свое дело сделала...

Момент, когда я забыла о боли, запомнился на всю жизнь. Я впервые заглянула в глаза своему ребенку. Глаза новичка, только что прибывшего оттуда сюда, вышедшего из моих живых вод, — это незабываемо. Это очень короткий период, сутки, может, меньше, потом все проходит, и остается взгляд обычного ребеночка. А сперва это — глаза, которые еще ничего не видели здесь, ничего из этого мира не отражают.

Глаза новорожденного. Никаких эмоций. Никаких мыслей. Вселенская чистота, глубина и пустота. И одновременно с этим — вселенская мудрость и знание. Я не знаю, как это описать словами. Но смотришь в эти глаза, как в глаза Бога. И видишь, что в этот момент он ЕЩЁ ЗНАЕТ ВСЁ. О себе, о тебе, о смысле жизни и устройстве Вселенной. Знает и готов забыть, отказаться в пользу новой истории.

Это самое сильное впечатление в моей жизни, похожее на Откровение. Особенно, если учесть, что случилось это с первой звездой 7 января 2000 года, с разницей ровно в две тысячи лет сами знаете с кем. Пробрало до костного мозга. И всего-то надо было для этого меньше суток помучаться, ерунда...

Одеколон «О'Жён», 1991

2017 год. Мама приехала в гости. А когда мамы приезжают в гости, их нужно развлекать. Мы поехали на ярмарку во Дворец спорта. Все по классике 1990-х: куртки, трусы, колготки, орехи, колбаса и узбекские тарелки. Все вперемишку. Я замечаю навильон с ретро-ароматами родом из Советского Союза. Шик от «Пани Валевски», легендарная «Красная Москва». Невыносимый «Ландыш серебристый» от комбината «Алые паруса». Выхватываю зеленый одеколон «О'Жён» — удивительный продукт коллаборации советской «Новой Зари» и французской «L'Oreal» прямоком из 1984 года.

Открываю флакон.

И задыхаюсь.

Память выбирает свои собственные траектории. Несется со скоростью, как автомобиль по автомагистрали. Но контролировать себя ты уже не в состоянии. Остается только принять «вынужденную позу» (позу, которое принимает тело во время боли), сгруппироваться и ждать. Когда все закончится.

1999 год. Мне 13 лет. Я залезаю в мамин комод. Нахожу фотографии с похорон в черном конверте. И «О'Жён». Одеколон моего отца. Последний флакон, который мама так и не успела подарить. Первый раз, когда я вспомнил. Вспомнил все в мельчайших подробностях.

16 декабря 1991 года. Мне 5 лет. Я не помню, кто привел

меня в детский сад. Но помню первую фразу, которую сказала моя подруга Наташа: «Я видела в газете фотографию твоего папы. Мама сказала, что твой папа умер. Тебе плохо?».

Я не знал, что мой папа погиб в автокатастрофе по дороге на работу. Водитель грузовика уснул за рулем и выехал на встречную. В свидетельстве о смерти 4 слова — «открытая черепно-мозговая травма».

Я ничего не почувствовал. Может быть, потому, что мне было всего 5 лет, и я не понимал, что такое смерть. А может быть потому, что папы никогда не было рядом: он месяцами работал гидромелиоратором в тайге, и все, что у меня осталось, это только три воспоминания. Первое — папа выходит из ванны, обмотанный полотенцем, и ругает меня, что я пью на кухне воду и не сплю. Второе — папа дарит моему брату на день рождения радиоуправляемую модель лунохода. Третье — мы с братом листаем папины журналы «Вокруг света», и он внезапно возвращается с работы. Я и рад, и боюсь его. Он обедает с нами и так же стремительно уходит обратно. Долго смотрит на меня и закрывает дверь. Наша последняя встреча. Уходит за сосны тайги — в лес моей памяти — все дальше и дальше, пока его силуэт не истончается и не становится неразличимым.

Приходит воспитательница и говорит, что отведет меня домой. И мне нужно одеваться. Лучше поторопиться. Мы идем в полном молчании на морозе по скрипучему снегу. «Твой папа погиб», — срывающимся голосом произносит она. «Ты не будешь плакать? Пообещай, что ты не будешь плакать». Молча киваю головой.

В нашей однокомнатной квартире не протолкнуться. Я внезапно испытываю прилив счастья — вокруг только самые любимые и дорогие люди: бабушки и дедушки, тети и дяди, двоюродные братья и сестры. Обычно приезд каждого из них ты ждешь по несколько дней, ведь они так редко приезжают. А тут они все и сразу. На кухне на столе лежит уже подтаявшая сладкая вата. «Бери, это тебе», — говорит дядя.

Мы заходим в зал. Посередине комнаты на табуретках стоит гроб. В нем лежит отец. Под стульями глыбы льда и снега в пластиковых тазах.

Я перелезаю с одних колен на другие, с дивана на диван. Нечаянно наступаю на фалды пиджака дяди. Он шутит, что я порвал пиджак, и теперь низ состоит из двух частей. Не понимаю. Я не виноват.

Через несколько невероятно долгих, томительных и неловких часов в комнату заходят незнакомые мужчины. Всего два слова. «Оля, пора». Бледная мать сидит неподвижно, уставившись в одну точку. Это пугает меня. Я никогда не видел ее такой.

«Выйдите все отсюда!», — внезапно громко и ультимативно командует она. Все выходят. Дверь закрывается перед моим носом. Я стою, уставившись в дверь. Зачем-то прижимаюсь щекой. Как будто мать заполнила всю комнату и часть ее стала дверью. Между нею и мной. Я слушаю.

Изнутри комнаты доносится утробный крик. Не плач, и не рыдание. А просто крик предельного отчаяния. Я никогда не слышал такого ни до, ни после. Никогда в своей жизни.

Сейчас я понимаю, что на тот момент прошло всего 5 лет, как родители уехали из Волгограда в тайгу Республики Коми. В этой однокомнатной квартире жизнь только начиналась. И вот так внезапно и закончилась.

Меня уносит с потоком на улицу. Везут к отцу на работу на прощание с коллегами. Гроб ставят посреди зала с колоннами. Люди приходят и уходят. А мама сидит рядом с гробом и смотрит на тело. Затем взглядом выхватывает меня из толпы и требует подойти. Сажает на колени. Мне скучно. Я устал. Я смотрю по сторонам. Внезапно она сжимает мое горло длинными ногтями, поворачивает мою голову в сторону отца и резко произносит: «Смотри! Смотри! Ты больше его не увидишь. Никогда. Смотри».

Оркестр опять выталкивает людей на улицу лавиной раскатов траурного марша. Мы движемся в сторону кладбища. «Оля, пора», — опять произносит мужчина на кладби-

ще, оттягивая мать от гроба. Накрывают крышкой, и зимний воздух пронзают выстрелы забиваемых гвоздей. Иногда их заглушают крики отчаяния стоящих рядом людей. Черные контуры деревьев и взлетающие вверх птицы.

Я закрываю флакон и ставлю на место.

«Мам, я хочу домой». Она не спрашивает. Мы никогда ничего не обсуждали. Как будто какая-то невидимая дверь по-прежнему между нами.

Мы садимся в такси.

Каждый год в России в автомобильных катастрофах погибает 20 тысяч человек. Население целого города. В одном из таких городов живет мой отец.

Каждый раз, садясь в машину, я пристегиваюсь.

Вода вдохновения

Наверное, ни у кого нет столько творческих историй, связанных не просто с водой, а с водопроводом, как у меня. Водопровод, водокачка стали для меня источником вдохновения.

Декада паблик-арта, Ночи на водокачке, фильм «Волга во мне», оттиски люков на футболках «Люк at me», перформансы Дзогабы — руку приложил везде.

Самое масштабное наше творение — забор «Путь воды» длиной полкилометра. Самый длинный сюжетный стрит-арт Юга России. Он сделан по моим эскизам, да и раскрашивали его волонтеры под моим руководством. По мотивам забора мы сделали замечательную раскраску для детей «Как устроен водопровод». Она получилась покороче — всего 4 метра.

Части водопровода нашли свое место на сувенирах, на картинах и календарях. Вода, насосы, трубы — бесконечный источник новых идей.

На все это вдохновила меня водокачка. Художники между собой называют ее своей. Наша водокачка. Столько труда и любви в нее всеми нами вложено, столько наших проектов здесь реализовано — мы стали ее частью, а она — нашей. Когда подрастет сын, я обязательно покажу ему самые таинственные и скрытые от людских глаз уголки старой водокачки и уверен — он влюбится в нее так же, с первого взгляда, как и его отец.

Участники декад паблик-арта меня иногда спрашивают: а почему в них нет твоих проектов? Я отвечаю: мой проект — это все вы. То, что ваши творения красиво представлены и развешаны, ничего не падает и не болтается, — это и есть мой проект. Вот так я участвовал в создании почти каждого мероприятия музея истории чистой воды «Фильтры». Поэтому в моей банке данных — гвозди, болты и саморезы.

*Станислав Азаров,
художник*

Где стирали белое платье

В мае 2018 г. на резервуарах чистой воды Мамаева кургана завершился проект, который для Волгограда стал прецедентом. Спектакль-воспоминание о восстановлении города после Сталинградской битвы назывался «Белое платье» — как символ мечты о счастливой мирной жизни, воплощенной своими руками.

Склоны резервуаров чистой воды стали амфитеатром, вместившим 2 тысячи зрителей. И даже Родина-мать в эту ночь как будто одета в белое.

Прогнозируемый результат — всплеск интереса к Черкасовскому движению и формальных, и неформальных

институтов. 75-летие рождения самого мощного волонтерского проекта XX века не отметили даже те музеи, для которых тема могла бы считаться профильной. А вот после «Белого платья» — и выставка в библиотеке, и фильм на местном ТВ, и проектные заявки в Фонд президентских грантов, Благотворительный фонд В. Потанина от разных институций. По настоянию горожан спектакль еще один раз показали на сцене ГБУК «Волгоградский музыкально-драматический казачий театр».

Все роли в спектакле «Белое платье» сыграли непрофессиональные артисты. Инженер, преподаватель, студент, школьница, спичрайтер, бьюти-мастер и другие полгода ходили на репетиции, как на работу. Люди почувствовали радость совместной деятельности на общее благо, расширили свои границы возможностей, получили новый уровень внутренней свободы.

Поскольку это очень личный проект, в этом месте стилистика текста на время поменяется. Куратору проекта удобно говорить «мы», автору пьесы — «я».

С тех пор, как занимаюсь городскими проектами, а это уже больше десятка лет, ищу, как связать в одно целое ни-ти времени, прерванные войной. Наша история намного богаче, чем мы считаем. И я очень хочу, чтобы мы научились ценить труд, уважать людей, которые совершают подвиги не в бою, а на работе. Ведь у героев моей пьесы вся жизнь — подвижничество. И у слесарей, мастеров, инженеров водоканала нет плохой погоды, нет понятия выходных, да и отпуск — штука условная. Я ими восхищаюсь и горжусь. В образах начальника водопровода Якова Петровича Потапова, Вали-москвички, приехавшей восстанавливать водопровод, я и хотела показать тех людей, которых так люблю. Пьеса — женская. Там есть три героини, о которых стоит сказать особо.

Сыгравшая Александру Максимовну инженер Наталья Чернышова намного моложе и лиричнее своей героини.

Шурочка в пьесе — это не та Черкасова, с которой у нас с вами могут быть общие знакомые. Совпадает биография. Но реальная Александра Максимовна была решительной, бескомпромиссной, настоящая командирша. А наша — воплощение вечной женственности. У нее много лирических монологов, на которые у живой Черкасовой просто не было времени. И нужен был контраст между этими дикими, бесчеловечными условиями — и женщинами, которые выстояли, потому что любили жизнь.

Председатель райисполкома Мурашкина — одна из этих святых женщин, только у нее другая судьба. Ее работа в исполкоме во время Сталинградской битвы и после — тоже подвиг. Если вы можете вообразить себе Сталинград зимой 1942—43 года, можно попробовать

представить себе и то, как эта женщина должна была распределить редко поступающие продукты среди горожан, прятавшихся в щелях и руинах. Она не «вовремя поддерживала», как часто пишут, она придумала это движение, подобрала идеальную кандидатуру — ведь Черкасова была не первой, кого она рассматривала на эту роль. Мурашкина все это организовала — и осталась в тени. Кто про нее сейчас помнит? Для меня эта женщина — воплощение идеальной власти.

История Ольги Долгополовой заслуживает не короткой пьесы, а целого сериала. Зная о ней очень мало, я придумала большую часть, сам образ придумала, даже фотографии не было, за которую можно было бы зацепиться. А потом, когда мне позвонила ее дочь, мы встретились, и оказалось, что выдуманное — правда. И даже внешность: Марина Ковалева, сыгравшая Ольгу, похожа на свою героиню. Когда я вспоминаю, как плакали, обнявшись на краю сцены, Марина и внучка ее героини, у меня тоже слезы наворачиваются. И мы это не забудем.

Зрители отметили внешнее сходство Александра Жернокова, заместителя директора «Концессий водоснабжения», и его героя Якова Потапова. В жизненных целях у них тоже есть много общего.

Изначально сама концепция этого проекта — не просто поставить спектакль, а показать, как волонтеры XXI века примеряют на себя роли добровольцев сороковых годов прошлого столетия. Не было цели добиться театрального эффекта. Я не хотела традиционных картонных декораций, точного попадания в костюмы, аутентичных до последней пуговицы. Мы понимали, что, скорее всего, будет сложно одеть женщин на финальную сцену в платья того времени, но при этом были уверены, что костюмы для работы на стройке они сумеют организовать себе сами. Художник очень сложно это воспринял, но мне было важно оставить на виду эти стыки века нынешнего и минувшего. Поэтому вместо декораций были видеопро-

екция, реквизит — минимально необходимое. Кстати, его собирали все участники: чайник, кружки, чугунок... И я притащила семейные реликвии: печатную машинку Mercedes, которую мой дед привез после войны из Германии, и трофейную немецкую фляжку, с которой другой мой дед закончил Великую Отечественную. Это, кстати, особенность музейно-театральных проектов: реквизит не бутафорский, а настоящий, музейного качества. В каком-то смысле это роднит спектакль с выставкой.

В чем сложность и преимущество совместных проектов музея и театра? В театре зритель ждет искусства, игры, а документальный спектакль с непрофессиональными актерами предполагает музейную подлинность, правду жизни. И перед режиссером стоит нетривиальная задача — добиться зрительского интереса без игры. Чтобы актеры увлекали, не играя, то есть актерами по сути не были. Мы немало сделали, чтобы история «Белого платья» для участников проекта стала по-настоящему захватывающей: не просто учили слова и отрабатывали проходки, мы изучали реальные события, вникали в характеры, мотивы наших героев. У нас были бурные дискуссии на тему «почему они так поступают». Думаю, что помимо прочего все участники проекта научились лучше понимать и себя, и других людей.

Кастинг был, но условный. Изначально задача была такая: всем, кто захочет участвовать, такую возможность дадим. И когда выяснилось, что желающих больше, чем ролей, я дописала еще одну сцену, причем так, чтобы реплики можно было разбить на неограниченное количество персонажей.

Сцены новоселья в доме Павлова, первом восстановленном доме Сталинграда, в пьесе изначально не было. Она написана для того, чтобы у каждого, кто хотел, была хотя бы маленькая, но своя роль в спектакле.

Мне кажется, все наши артисты вышли из проекта с совершенно другим пониманием своих возможностей. Думаю, им это в жизни пригодится: если человек хочет — значит, он может. Остальное — отговорки.

Открытием и, надеюсь, началом долгого творческого сотрудничества стало участие в проекте художника Алексея Перловского. Он пришел на проект, чтобы помочь режиссеру Дмитрию Матыкину и на наше счастье под конец сумел его заменить. Дмитрий, видимо, недооценил нагрузку совмещения работы в театре с учебой в ГИТИСе, возможно, наш проект его не увлек настолько, чтобы ради него чем-то пожертвовать. Труппа могла остаться без режиссера, но нам очень повезло: у нас был Алексей! Он ра-

ботал с артистами, показывая, как добиться, чтобы все нюансы эмоций были видны и понятны зрителям.

Алексей Перловский работал в качестве художника-постановщика в волгоградских театрах, сотрудничает с независимыми театральными проектами, помогает студенческому театру ЭССТЕТ. В 2018 г. участвовал в театральной арт-резиденции резидента Тульского историко-архитектурного музея (ТИАМ) «Барабан», в 2019-м — в лаборатории THEATRUM-2019 в рамках фестиваля «Золотая маска».

С артистами-волонтерами работать сложно. Тут понятие трудового распорядка очень условно. Мы собрались репетировать — а исполнителя главной роли вызвали на совещание в администрацию, а баянист аварию на сетах устраняет. Зато здесь и мотивация другая. Когда человек работает не потому, что ему нужны деньги, а потому что его — извините за выражение — прёт от того, что он делает, это видно и слышно.

Алексей Перловский:

Работа с непрофессионалами по-своему увлекательна. Человек, впервые оказывающийся на сцене, как правило, начинает делать что-то совсем ему не свойственное или перестает делать что бы то ни было — зажимается. Задача состоит в том, чтобы человека расшевелить, если он зажат, либо вернуть его в собственную органику. Непрофессиональный актер переживает, а не играет материал. Здесь есть тоже свои острые углы. Такой опыт может

быть психологически травматичен. Итог работы тоже отличается. Для профессионала выход на сцену — это работа. Для непрофессионала — приключение. Поэтому радость непрофессиональных актеров после спектакля на порядок ярче.

Заметного изменения общественных настроений, поведенческих реакций придется подождать. Однако люди, принявшие участие в проекте «Чистой воды искусство», их друзья и близкие не будут говорить о Волгограде, что он построен на костях и потому здесь никогда ничего хорошего не будет. Как и когда сформированное с нашим участием чувство сопричастности территории преобразуется в действия по обустройству среды — спрогнозировать сложно.

И все же запуск публичной дискуссии по проблематике личного участия горожан в восприятии города как позитивно развивающегося, а не депрессивного можно считать успешным: свыше 30 публикаций о спектакле в региональных и федеральных СМИ, сотни постов в социальных сетях, публикация в методическом сборнике «Связь поколений» Волгоградского областного совета ветеранов. Плюс приглашения презентовать проект на фестивалях «Серебряный Меркурий» в Москве и «ARTEMOFF» в Урюпинске, в Берлинском Центре культуры и урбанистики ZK/U объединения художников KUNSTrePUBLIK, слушателям Летней европейской школы РАНХиГС «Новая жизнь индустриальных городов» в Волгограде показывают, что проблематика востребована и горожанами, и специалистами.

Труппа «Белого платья» не распалась, она стала творческой группой «Белое платье». Хотя поначалу казалось, что мы просто нашли хорошую компанию для совместного отдыха. Но нет. После второго показа спектакля группа твердо заявила запрос на новые творческие проекты. В 2019-м мы участвовали в Библионочи в областной научной библиотеке им. Горького, провели читку пьесы Дмитрия Данилова «Свидетельские показания» для независи-

мого «Театра в Леднике» и даже съездили на гастроли в Урюпинск.

Специально для фестиваля современной городской культуры «ARTEMOFF» в Урюпинске вместе с Алексеем Перловским подготовили читку повести Аллы Гор «Сразу после войны». Повесть вышла в свет несколько лет назад в альманахе «Раритет». Это детские воспоминания автора о первых послевоенных годах. С согласия автора творческая группа превратила повесть в пьесу. Повествование от первого лица разбили на диалоги с тремя характерными ролями (девочка-автор, ее брат и бабушка) и с тремя рассказчиками. И пригласили зрителей встретить новый 1947 год.

Даже сломанная нога не заставила Надежду Курицыну (на первом плане) отказаться от поездки на фестиваль в Урюпинск — и роли бабушки.

Для группы этот проект — логичное продолжение спектакля «Белое платье»: где женщины — там и дети. А это история о детях и, конечно, о взрослых, которые живут так, будто мы все — одна семья. Мы хотели не только рассказать зрителям эту историю. Вторая задача — это почти мастер-класс на тему «Зачем взрослым тетенькам на сцену». Чтобы делиться радостью — вот зачем. Мы знали, что именно в Урюпинске это семя упадет на благодатную почву. Прошлогодние разговоры о «Белом платье» вдохновили организаторов фестиваля на документальную постановку. В 2019 году режиссер Гульнара Искакова поставила спектакль «Мой взгляд», в котором урюпинская молодежь говорит о городе. Говорят, премьера прошла с невероятным успехом.

Проекты с вовлечением, которые не отвечают на вопрос, что это изменит в окружающем мире, становятся просто времяпрепровождением. Творческая активность должна создавать смыслы, и в нашем проекте горожане эти смыслы увидели, почувствовали и приняли.

«Белое платье» на Youtube: <https://goo-gl.ru/4ZxA>

КОММУНАЛЬНЫЙ ВЕРБАТИМ

Заговори, чтобы я тебя увидел

Проект «Где стирали белое платье» был посвящен трудовому подвигу сталинградцев, восстановивших свой город после войны. Сегодняшние рабочие трудятся не в таких экстремально тяжелых условиях, но и здесь есть место подвигу, который стоит научиться видеть и ценить.

Престиж рабочих профессий в стране постепенно растет: обучаться по программам среднего профессионального образования каждый год поступает на 20—30 тысяч человек больше. В Волгоградской области постепенно заполняются вакантные места рабочих: по официальным данным в 2014 г. на долю рабочих профессий приходилось 78% вакансий, в 2018-м — 62%. Острота проблемы снижается, этому способствовало выравнивание экономического положения предприятий, а также профориентационные меры. Такие проекты, как WorldSkills, показали молодым содержание рабочей профессии, которая оказалась по сложности сопоставимой с вузовскими специальностями. Помогло и информирование выпускников и их родителей о востребованных профессиях.

А как сформировать позитивный образ человека рабочей профессии? Уж точно не рекламой. Лучший способ — личное знакомство. Но между рабочими нашей коммунальной отрасли и пользующимися их трудами горожанами все еще стоит стена из стереотипов и недоверия. Да что там горожане... В этом году несколько фото волгоградских коммунальщиков вывесили в стенах Общественной палаты России, там было какое-то мероприятие, к которому выставку и сделали. Проходившие мимо участники мероприятия бурчали, что на фото — модели, а не реальные

люди. Но там все были настоящие! И на этикеточках к фото были написаны фамилии с местом работы. Но стереотип мешал принять эту реальность.

По замыслу документальный театр покажет рабочих им самим и городу. Для первых это станет шагом к познанию себя, формированию и поддержанию корпоративной идентичности, а вторым обещает открытия и слом стереотипов.

На афише и на обложке книги — фоторабота артиста, баяниста, фотографа и видеографа водоканала Андрея Долгошеева.

«Водоканал дословно» — это разработка и реализация новой технологии работы музея с сообществами, формирование нового уровня открытости корпораций для граждан. Документальный театр как инструмент самопознания предлагает зрителям живую историю, с которой посетители смогут себя идентифицировать. Нам нужна не картин-

ка с плаката, хотим видеть живого человека со своей личной историей.

«Заговори, чтобы я тебя увидел», — сказал Сократ. И эта фраза стала слоганом и идеей документальной постановки. Что такое волгоградский водоканал? Что такое «Концессии водоснабжения», которые этим водоканалом управляют? Если вы начнете гуглить, найдете километры сетей, сотни водоочистных и насосных станций. Это настоящий город в городе, тайный. Вы проходите над сетями, не зная, что они тут. Вы идете мимо заборов, не видя их, потому что привыкли не видеть. Вы замечаете коммунальщиков, когда у нас что-то случается. Но и тогда вы видите только спецодежду. Она помогает вам не различать людей в лицо. Но в этот раз все будет по-другому. Водоканал заговорит. И вы нас увидите.

Зачем всё это?

Всемирно известная компания Rimini Protokoll, работающая в сфере документального театра, в разных городах мира реализует адаптируемый проект 100% City. Вы, конечно, встречали такую статистику... Если бы на Земле жили только 100 человек, то 17 из них говорили бы по-китайски, а 6 — по-русски. 52 человека были бы женщинами и 48 — мужчинами. 6 человек обладают 59% всех богатств в мире, и все эти шестеро американцы из США. 80 человек живут в бедности. 70 не умеют читать. 91 человек имеет доступ к питьевой воде, а 9 нет.

По такому же принципу Rimini Protokoll работает с городами мира. Можно условно считать, что, собрав на сцене 100 человек, мы получим портрет города. При соблюдении условий пропорции: по полу, возрасту, уровню образования и типу занятости... Чем больше информации — тем больше детальных характеристик.

А что, если мы сделаем это с коллективом? Сегодня в ООО «Концессии водоснабжения» около 2200 работников. Могут ли их представить 20 человек? При известном допущении — да. О допущениях — чуть ниже.

Сначала — о творческом стимуле для автора.

На конкурсе профессионального мастерства рабочих водоканала беседа превращена в курилку, жара, разговор идет вяло, но сворачивает на культурные проекты. Только что на сцене для участников конкурса выступила творческая группа спектакля «Белое платье»: спели несколько песен, звучавших в той постановке. Ну, и что дальше? А дальше хотелось бы уже наконец вывести на сцену рабочих. Да-да, поддерживает разговор сварщик 6-го разряда, и пусть во время спектакля на сцене откроется люк, из него вылезет рабочий и прочитает:

*Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.*

Если эта цитата из «Короля Лира» еще не сломала ваши представления о современном рабочем коммунальной отрасли, у вас все впереди.

Вот это и хотелось показать.

А что хотите вы?

Ответ на этот вопрос на самом деле определяет всю дальнейшую работу. Мы можем вам предложить два варианта, они оба у нас были, и оба сработали.

Да, мы хотели показать коллектив городу. Мы хотели, чтобы работающие в коммуналке люди перестали быть для горожан безликой массой, абстракцией. Чтобы мы, коммунальщики, были для горожан живыми людьми: молодыми и старыми, толстыми и тонкими, профессионалами и раздолбаями — уж какие есть, то есть разные. И мы совершенно точно были уверены: мы лучше своей репутации.

Другой мотив — конечно, мы хотели это сделать для себя. Для коллектива. Сотрудничество с Арт-медиа-центром «Коммуна», который сумел получить поддержку Фонда президентских грантов на развитие гражданского общества, позволило показать плоды наших трудов горожанам и сделать это красиво, эффектно, с использованием современных технологий. Но все же проекты, которые мы делаем с коллективом, коллектив и имеют главной целью.

Мы используем гипотезу о том, что субъективное ощущение благополучия, удовлетворенности жизнью определяется не только и не столько зарплатой, сколько состоянием внутренней культуры коллектива. Если

на предприятии зарплата средняя по рынку, то атмосфера в коллективе выходит на первый план.

Как здесь относятся к новичкам и к ветеранам? Что важнее в критические моменты — соперничество или сотрудничество? Как тут поступят, если ты ошибешься, — столкнут вниз или подтянут вверх? Насколько осознаются эти традиции, как они артикулированы, как ретранслируются?

В конечном счете, вопрос в том, чтобы в нужный момент нашлись те люди, которые могут пресечь дурной поступок, сказав: «Так нельзя, у нас так не принято». Или поддержать хорошее начинание: да-да, мы всегда так делаем.

Наконец, один из аргументов в пользу развитой корпоративной культуры предприятия — это интересная насыщенная жизнь, где есть возможность реализовать свои творческие способности, да просто выйти на сцену и спеть не для членов семьи, а для новой свежей аудитории.

И под всем этим есть научное обоснование. В материалах Общероссийского гражданского форума мы нашли рассказ о теории благополучия в изложении старшего партнера Odgers Berndtson Даниила Рыбака и основателя компании «Odger Berndtson Russia», сооснователя программы «Учитель для России» Федора Шеберстова.

Они рассказали, что психолог Мартин Селигман сформулировал теорию благополучия, которое, по его мнению, определяется через 5 элементов. Вот они:

- Положительные эмоции. Весёлые люди видят в прошлом положительное, смотрят в будущее с надеждой, наслаждаются и ценят настоящее.

- Вовлеченность. Когда мы полностью погружены в то, что нас занимает и увлекает, мы теряем чувство времени и испытываем ощущение «потока» — это делает нас счастливее.

- Гармоничные отношения. Человеку нужен человек. Мы становимся счастливее и делимся этими ощущениями

с другими, когда строим прочные отношения с окружающими — в семье, с друзьями, коллегами и соседями.

- Смысл. Мы чувствуем себя счастливее, когда посвящаем время чему-то большему чем мы сами. Это может быть религия, общественная деятельность, семья, политика, благотворительность, профессиональная или творческая цель.

- Достижения. Все иногда хотят побеждать. Чтобы достичь благополучия и счастья, мы должны быть в состоянии оглянуться на нашу жизнь с чувством выполненного долга: «Я сделал это, и я сделал это хорошо».

Работать в водоканале на самом деле — большая удача. Это трудная работа, которую не принято щедро оплачивать. Но люди, которые работают здесь, четко понимают свою миссию: они дают питьевую воду большому городу, от них зависит жизнь и здоровье людей.

У большинства наших рабочих водоканал — не единственное место работы. Некоторым на втором месте платят заметно больше, чем в водоканале. Но все равно: там — подработка, работа — это водоканал. Так что со смыслом тут все в порядке.

Но есть ли время на общение? Есть ли возможность? Водоканал работает по всему городу, и такой большой коллектив не имеет шанса собраться вместе. Даже если найдется подходящий зал, многие все равно останутся на рабочих местах, потому что производство — непрерывное. Забегая вперед, скажем, что участники нашего проекта начали получать от него удовольствие в тот момент, когда увидели друг друга в том самом сократовском смысле. Им было на самом деле интересно слушать истории, которые рассказывали их коллеги. Но об этом — чуть позже.

Идем по календарю

Подготовка проекта начинается с составления плана: что когда делать, сколько времени займет. Для ориентира предлагаем свой. Показ спектакля у нас был назначен на Ночь музеев в мае 2019 года, работать над проектом вплотную начали с декабря. Далее мы поговорим обо всех этих пунктах подробно.

1. Формирование команды: октябрь-ноябрь

Собрать людей, которые выполняет основную организационную и творческую работу над проектом. Помимо режиссера и сценариста это те, кто подберет труппу.

2. Социологический анализ будущей труппы: декабрь

Получить первичную информацию о структуре коллектива (численность, служебный статус, возраст, пол). Создать модель социальной структуры коллектива, позволяющей собрать в малой группе сотрудников, по социологическим стратам представляющих весь коллектив. Результат: сформирована матрица будущей театральной труппы, известны конкретные характеристики по статусу, полу, возрасту людей, которых можно пригласить к участию в постановке.

3. Подбор труппы: январь

Подобрать для участия в постановке конкретных людей, отвечающих характеристикам матрицы, провести с каждым интервью, которые станут основой сценария.

4. Сценарий: февраль-март

Написать сценарий на основе интервью участников

проекта. Разработать аудиовизуальное оформление постановки. Заключить договоры на техническое обеспечение проекта.

5. Репетиции: март-май

Общение, репетиции, тренинги. В итоге труппа готова к постановке, все понимают механику своих действий, знакомы с партнерами, сценой.

6. Медиасопровождение проекта: апрель-май

Подготовить релизы, контент для публикаций в соцсетях, включая афишки разных форматов, создать и наполнить группы и мероприятия. Подобрать информационных партнеров. Провести информационную кампанию для зрителей, сформировать ожидания от постановки как у зрителей, так и у СМИ. Обеспечить фото- и видеосъемку спектакля. Организовать пост-информирование по итогу.

7. Работа на площадке: май

Подготовить площадку для выступления (при необходимости провести субботники), обеспечить сидячие места для зрителей старшего возраста.

Закулисные дела

Работа над проектом начнется со сбора команды. Не той, что пойдет на сцену, а той, что, возможно, останется за кулисами.

Конечно, нам нужен режиссер. Если у него есть опыт работы с документальным театром или с непрофессиональными артистами — это его преимущество. Но прежде нам нужен райтер — не хочется использовать громкое звание «писатель», потому что задача требует не фантазии и творческого полета, а бережного отношения к людям и фактам. Умение делать хорошие интервью, внимательно слушать, слышать, корректно передавать услышанное — это главные качества человека, который нужен для этой работы. Возможно, он будет у вас не один: интервьюер, сценарист могут работать в паре.

Но начнем мы все-таки с того, что вычислим в коллективе обладателей широких социальных связей или большого социального капитала. Они знают людей и при этом им доверяют. Это могут быть сотрудники кадровых служб и служб, занимающихся мотивацией персонала, корпоративными событиями и так далее. Могут быть профсоюзные активисты — даже бывшие. Формальные и неформальные лидеры — нужны все. И много. Даже если вы нашли человека, который считает, что отлично знает всех, он наверняка ошибается. Никто не знает, как поведет себя ваш коллега на сцене. Даже если он участвует в самодеятельности с песнями и танцами, о том, что у него на душе, не известно никому. Никто ведь не спрашивал. А мы спросим. Но начнем с поиска тех, кто станет нашими проводниками. Это первый шаг.

Андрея Долгошеева на предприятии знают если не все, то многие. Не только в своем цехе. Он и с баяном на демонстрации, и с камерой на корпоративе... Но историю о том, как музыкант оказался в водоканале, он публично рассказал впервые.

Шаг второй. Вступить в почти интимные отношения с кадровой службой, специалистами по «1С: кадры» (или что вы используете?) и службой безопасности, которая поможет нам справиться с ограничениями закона о персональных данных. Обращаться к этим службам за помощью придется постоянно, поэтому лучше сразу объяснить им всю картину, рассказать о целях и задачах, убедиться, что нас поняли, заручиться поддержкой. И мы будем морально готовы к тому, что по этому закону мы не можем получить сразу всю информацию о человеке в одном месте. Собирать ее будем по кусочкам. И не станем хранить то, что по закону мы хранить не имеем права. Кадровики не дадут нам личный телефон рабочего. Но мы обратимся к на-

шим проводникам, с ним поговорят, спросят согласия — и тогда нужный номер у нас будет.

Для начала нам понадобится статистическая картина по коллективу. Правда, сведения эти будут весьма ограниченными. Пол, возраст, статус, образование — всего четыре характеристики, которые нам доступны и с которыми мы будем работать.

Выгрузка информации из кадровой базы данных может дать вам сведения о местах рождения сотрудников и месте их прописки. Но проку от этой информации чуть больше, чем ноль. Да, возможно, вас порадует, что 75% коллектива родились в вашем городе и области, но что делать с этой информацией? Разве что использовать вишенкой на торте. В нашем коллективе между крайними местами рождения наших сотрудников на Западе и Востоке — 7500 км. Но обойтись без этой информации можно легко. Был у нас и список стран (в основном бывшего СССР), откуда родом наши сотрудники. Но и это ничего принципиально не меняет. Вам даже не скажут, сколько у сотрудников предприятия всего детей. В базе есть только несовершеннолетние — те, на кого распространяются меры социальной поддержки, кому покупают подарки на новый год. А больше никаких сведений о персонале кадровые службы не имеют.

Шаг третий. Роемся в статистике. Пока в списках нет фамилий реальных людей, вы можете играть с ними как угодно. Давайте посмотрим количество рабочих с высшим образованием. Excel-таблицы такую возможность дают. А в каком возрасте рабочих с высшим больше? А рабочих без образования — в каком? Сколько у нас женщин с высшим по сравнению с мужчинами? Сколько у нас женщин-руководителей? Сколько руководителей в возрасте до 30 лет? Какой средний возраст рабочих и коллектива в целом? Вся эта информация может вам пригодиться для составления портрета коллектива. Какой он — женский, мужской? Для нас не было открытием, что водоканал —

мужское царство. (А вот то, что родственный коллектив теплосетей оказался в большей степени женским, — это сюрприз.) Но это пока фишечки. Поиграли — давайте перейдем к самому нудному делу в проекте — составлению матрицы будущей труппы. То есть формальным (объективным) критериям, по которым мы будем подбирать участников будущего спектакля.

С социологом консультировались, варианты разные крутили, о пути, каким мы к этому решению пришли, рассказывать не будем. Даем готовое решение: за базу удобнее всего взять возраст. Первая колонка в таблице — возраст: 18—20 лет, 21—30, 31—40, 41—50, 51—60, 61—70, свыше 70. Первую и последнюю ввиду строки малочисленности персонала в возрасте до 20 и свыше 70 мы решили считать статистической погрешностью. Остается 5 строк. Заполняем дальше.

Вторая колонка таблицы — статус. В нашем случае — это три категории: рабочие, специалисты, руководители. Следующая колонка — пол. Сколько мужчин и женщин в каждой возрастной группе? Сколько женщин рабочих, специалистов и руководителей в первой возрастной группе, во второй, третьей, потом то же самое — по мужчинам. Так у нас получается таблица, с которой мы будем колдовать дальше. И вот здесь начнутся те самые допущения, о которых мы предупреждали раньше.

Возраст	Статус	Пол	ФИО, должность, цех
21-30	Рабочий	М	
	Рабочий	Ж	
31-40	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Рабочий	Ж	
	Специалист	Ж	
	Рабочий	Ж	
	Руководитель	М	
41-50	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Руководитель	Ж	
	Специалист	М	
51-60	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Рабочий	М	
	Рабочий	Ж	
	Специалист	Ж	
61-70	Руководитель	М	

Вот так выглядела наша таблица, которую мы заполняли конкретными именами. Заполняли, вычеркивали, снова заполняли — пока не убедились, что собрали именно тех, кто нужен.

Составляя таблицу, мы все-таки решаем, что количество участников спектакля будем определять не по социологии, а по наитию: это будут 20 человек. Если каждый из них пробудет на сцене со своим рассказом 2 минуты, это уже 40 минут. Плюс общие выходы. И еще мы обязательно будем петь. И, как выяснилось, танцевать. В общем, 20 человек — это предел. И вот теперь берем калькулятор — и начинаем высчитывать пропорции.

Каждый из наших участников представляет 100 человек. Но, к сожалению, просто деление чисел в таблице

на 100 не дает нам нужного результата: получаются дробные числа, которые приходится округлять то в большую, то в меньшую сторону. И тем не менее, в итоге этих операций мы получаем свою матрицу: таблицу с приблизительными характеристиками людей, которых мы позовем участвовать в проекте. Столько-то рабочих-мужчин в возрасте от и до, столько-то женщин-рабочих в том же возрасте, столько-то руководителей и специалистов такого-то пола и возраста. Все, с цифрами закончили, переходим к людям.

Подбор конкретных людей под обобщенные характеристики — это тоже непростая задача. В нашем случае нужно было учесть еще два фактора. Во-первых, территориальную разбросанность подразделений. В команде должны быть люди, работающие и на севере, и на юге, и в центре города. И в цехах, и в аппарате. Одно только мы определили для себя сразу: по категории «руководители» ориентируемся на линейных, тех, кто «на земле». То есть начинаем искать с мастера, а уровень заместителей директора без крайней нужды не трогаем. Крайняя нужда в нашем случае все же была: на финальную песню нужен солист. На концертную программу участников брали не по матрице, а по мастерству.

Заместитель директора по перспективному развитию Джамшид Рахимов солировал в финальной песне «Мы — команда».

Руководителем самого высокого уровня стал начальник цеха. Мы помним: задача — показать городу людей, которых не покажут по телевизору. Разве только мельком, на конкурсе профмастерства или на устранении большой аварии.

Во-вторых, надо помнить про разнообразие рабочих специальностей. В водоканале, если брать совсем обобщенно, это три большие группы: люди, которые обслуживают сети (слесари аварийно-восстановительных работ, сварщики, машинисты насосных установок), рабочие на водоочистных станциях и на очистных сооружениях канализации (первых больше) и рабочие из подразделений, которые обслуживают весь водоканал, то есть водители, экскаваторщики, ремонтники, кладовщики... И эту пропорцию, а также «удельный вес» каждой специальности

нужно соблюсти. Не может у нас в итоге образоваться пять водителей и два слесаря. Хотя они и рабочие, но...

И вот со всеми этими линейками, угольниками и транспортирами мы приступаем к самому интересному — подбору будущих участников.

Наша группа поддержки собралась на первый субботник. Убрать сухую траву, нападавшие за зиму ветки — работы у них было очень много. Поэтому субботник пришлось повторить.

Кто все эти люди?

Конечно, мы бросили клич через корпоративную газету. Результат — нулевой. Когда потом спрашивали, почему не отозвались, слышали: не думали, что получится. Все, кто в итоге вышли на сцену, были приглашены по чьей-то наводке.

Критериев было всего два. Потенциальный кандидат должен не вызывать отвращения ни у начальства, ни у коллег. Чтобы потом никто не говорил: почему это чуело представляет наш водоканал? Нет, мы не просили выбирать лучших, просто спрашивали: как к человеку относятся в коллективе? И, конечно, у кандидата должно было быть хоть какое-то желание заниматься этим несерьезным, как они все поначалу считали, делом.

Вот здесь проявились авторитет и репутация начальника цеха. В одном из цехов начальник сразу сказал: вот этого зовите, потом позвонил и сказал — вот еще вам артист. То есть и людей знает, и его рекомендация участвовать сработала на отлично. Были и такие, кто сразу отказывался помогать в подборе: мол, откуда я знаю, кто вам подойдет, сами ищите. В этих подразделениях возникали потом проблемы и с графиком выходных, и с оценкой действий участника спектакля. Это очень выразительные штрихи к портрету руководителя. Театр, как оказалось, раскрывает не только тех, кто идет на сцену, но и тех, кто остается за кулисами.

Многие отказывались. Кто-то просто говорил: не хочу, не моё. Не все готовы были проезжать полгорода, пусть и изредка. У кого-то на день выступления свое серьезное запланировано. Один передумал участвовать, когда начался дачный сезон. Другой нашел вторую работу. У третьей возникли семейные обстоятельства... Были такие, кто при-

ходил вроде с желанием, но по ходу дела выяснялось, что человек не готов ни свое предложить, ни наше принять. Приходилось расставаться. Каждый раз — к лучшему. В общем, это были десятки разговоров, долгие, душевные, но порой безрезультатные.

И вот наш итог: проведено около 60 собеседований, записано около 30 интервью, в итоговый сценарий вошло 20.

Едва не сломалась красивая идея. Статистика показала, что у нас есть человек-водоканал. Если бы предприятие состояло из одного человека, это был бы рабочий-мужчина в возрасте 46—47 лет по имени Александр (самое распространенное имя). Рабочих, подходящих под эти критерии, нашлось больше десятка. О парочке из них нам коллеги сказали: не связывайтесь. А у остальных обнаружилась еще одна общая черта — нежелание разговаривать. Идею спас начальник маленького участка на окраине города, уговоривший своего Александра выступить за честь подразделения. Наш герой тоже оказался категорически неразговорчив, но все-таки справился с задачей, лаконично объяснив: «Василич просил».

Какие были аргументы за участие? Представить водоканал городу — это об уважении к своей профессии, гордости за предприятие. Кого-то брали на любопытстве. Но в целом людей подкупало то, что говорить они будут о себе. Это было самым заманчивым — и самым трудным. Нашим участникам было сложно поверить, что они, их истории кому-то интересны. У многих были попытки увести рассказ от себя на пафосные фразы о нужности профессии, лозунги и расхожее «я люблю свою работу, я приду сюда в субботу». И здесь, конечно, решающую роль играет мастерство интервьюера.

О чем говорить, если не о чем говорить?

Говорят, что каждый человек может написать одну книгу — историю своей жизни. Но если попросить рассказать о себе, наступает ступор: что говорить, с чего начинать? Поэтому очень нужна какая-то вводная информация о человеке, которую дают те, кто его рекомендовал. Или то, что мы изначально о человеке знали: не пропускает ни одного конкурса профессионального мастерства, недавно сдал ЕГЭ, любит музыку... Поэтому случалось, конечно, попросить рассказать о чем-то конкретном. Это самый простой вариант. Не факт, что он и станет темой рассказа, но хоть есть с чего начать разговор.

Если же встреча первая, вы ничего о человеке не знаете, кроме того, что он согласился попробовать, начинаем с беспроигрышного вопроса: когда вы пришли в водоканал, что привело? Конечно, если каждый участник будущего спектакля начнет свою речь с фразы «Я пришел в водоканал в таком-то году», зрители умрут со скуки вместе с артистами. Но этот рассказ с самого начала позволяет найти, выцепить ту самую нужную историю со смыслом.

Вот фрагменты некоторых монологов.

Константин Щукин, электрогазосварщик

Я 8 лет в Водоканале — и каждый день у нас что-то новое. Вот правда, каждый день что-то новое узнаешь. Мы в цехе капремонта перекладками труб занимаемся, это значит — каждый раз в новом районе. Вчера в Красноармейском, сегодня в Дзержинском, а завтра, может, на Тракторный поедем. Весь город видим. Учиться люблю. Раньше не понимал. Сейчас в интернете смотрю, что по сварному делу есть. Стараюсь скорость вырабатывать.

Скорость нужна, а спешить нельзя. Если спешишь — значит, все обязательно пойдет не так. Я бы хотел, конечно, и высшее образование получить. Очень интересно знать все о нашей работе, что как устроено. Потому что работа у нас такая... настоящая. И коллектив настоящий. Мужики — одно слово!

Алексей Шклярук, слесарь аварийно-восстановительных работ

Канализационные трубы реже рвутся сами, чем нам приходится их резать. Кое-что иначе не достанешь, только с куском трубы вырезать. Что чаще всего достаем из засоров? Мягкие игрушки. Маленькие такие. Наверно, дети их специально топят, чтобы посмотреть, как они уплывают. Медвежата и зайчики плывут, пока не станут засором.

Сергей Аксенов, токарь ремонтно-механического участка

Больше 20 лет работаю в водоканале. Половина насосов в городе работает с моими колесами. Все оборудование через мои руки проходит рано или поздно. Делаем все, что можем. А что не можем — изобретаем и все равно делаем. Недавно немецкий насос по-своему переделали. Есть детали стандартные, а есть такие, что и в станок не встанут. Надо придумать, как зажать, да так, чтобы тонкие зубчики не повредить.

Светлана Бойнова, машинист насосных установок

Некоторые говорят: плохо, когда в униформе надо ходить. У нас не униформа, у нас спецодежда. Она очень удобная, потому что все продумано. Мне приятно в ней ходить. Даже эмблема на ней меня защищает. Как-то шла от одной насосной станции до другой и пристал ко мне подвыпивший мужчина. Я ему говорю: мужчина, со мной так нельзя, вы же видите — я на работе! При исполнении! Он и отстал.

Я свою работу не просто люблю. Я ее еще и уважаю. Мы знаем, каким трудом достается вода. И мне больно смотреть, как мелеет Волга. Как в нее сбрасывают всякую дрянь. Я мало что могу, но все-таки перестала покупать бытовую химию. Перешла на хозяйственное мыло. Оно натуральное, не вредит природе так, как

синтетические моющие средства. Пусть маленький вклад, но все-таки делаю, что могу.

Константин Кожевников, машинист экскаватора

У меня прадед работал на паровом экскаваторе на руднике. И дед к нему на работу бегал. Потом отец к деду бегал смотреть, как он экскаватором управляется. И я к отцу. Сын ко мне не бежит. И вообще на такие темы разговаривать не любит. Но я недавно слышал, как его родня пыталась, кем хочет стать. Он говорит: у меня отец экскаваторщик — что ж еще-то. Я очень уважаю свою профессию. Знаете, яму раскопать — ума не надо. А вот се-ти не порвать — это уже наука и искусство. Я хочу, чтобы наши уважаемые слесаря в мои ямы не с лопатой спускались, а будто в домашних тапочках к себе на кухню ходили.

Андрей Долгошеев, старший мастер

Я закончил училище искусств имени Серебрякова с красным дипломом. Получил рекомендацию в Ленинградскую консерваторию. Но пока в армии служил, страна сильно изменилась. Работал на заводе, пуховыми платками торговал. Когда столкнулся с бандитами, понял, что бизнесмена из меня не получится. Так и пришел в водоканал. Однажды чистил колодец — и вижу: идет мой профессор Песчанников Сергей Алексеевич. Он нас не только музыки, но и жизни учил. Так радовался, когда мне рекомендацию в консерваторию дали. И я — ух! — в колодец с головой! Он подходит: Андрей, я вас видел! Я вылез, глаза поднять не могу. И тут он мне еще один урок дал: «У тебя семья сыта? Что же тебе еще надо? Ты с гордостью, а не с опущенными глазами ходить должен». После этого разговора я по-другому стал к своей работе относиться.

Начиная эту беседу, мы должны объяснить человеку, что не требуем от него ответа на конкретные вопросы, он может рассказывать все, что хочет. Может прийти с каким-то предметом, инструментом, позвать членов семьи на подмогу — что угодно. А наша задача — помочь этот рассказ упаковать, красиво оформить.

Оператор хлораторных установок Юлия Бундикова вышла на сцену с дочкой. Настя показала, как устроен мамин противогаз и как его правильно надевать.

Сварщик Александр Мололкин принес и показал свой домашний музей — он собирает найденные при ремонте труб предметы.

Ищем фишечки! Такой фишечкой могут быть и отношения между участниками. Кладовщик Наталья Яцун вышла на сцену с дочерью Галиной — оператором насосных установок. Мама много лет проработала на той же должности, где сейчас работает дочь, и у них вышел прекрасный парный выход: Наталья изображала звук насоса, а дочь отвечала, что это значит с технологической точки зрения — малый напор воды, засор или что-то еще. Почти парным было и выступление машинистов экскаватора.

Константин Кожевников рассказывал о себе, а потом о нем, друге и наставнике, говорил Денис Стрелков.

Такие связки между участниками облегчают построение сценария. Ведь нам нужно не просто выпустить людей на сцену по алфавиту, мы должны найти, выстроить драматургию, внутреннюю логику повествования.

Собранные интервью необходимо записать и обработать, четко обозначив ключевые моменты, мысли, фразы. По ним выстраивается сценарий, по ним люди ориентируются, готовясь к выступлению. Самые добросовестные пытаются выучить этот текст наизусть, но делать это не надо. Как бы ни старался интервьюер сохранять индивидуальные особенности речи собеседника, если они начнут говорить по писаному — то будут звучать одинаково. Да, они должны произнести ключевые тезисы, а иногда и ключевые слова, к которым привязаны следующие реплики, но речь должна быть живой, а не заученной. Мы уже зна-

ем, что паузы, волнение тепло воспринимаются зрителями, дают им ощущение настоящего, а не наигранного, выдуманного.

Как собрать всё это в сценарий? Какую логику повествования выбрать? Многое зависит от материала, конечно. Но вы должны эту логику сформулировать и объяснить самим себе. У нас была альтернатива: идти по технологическому циклу (эта идея нам не нравилась хотя бы даже потому, что мы хотели показывать людей, а не цикл) или по эмоциям, от спокойных к более драматичным. Кульминацией должен был стать выход блондинки-юриисконсульта со словами: «Здравствуйте, меня зовут Елена Щербакова, и я — олицетворение зла». Так ее воспринимают люди, с которыми ей приходится встречаться в суде, взыскивая долги. Не получилось, тем более, что «олицетворение зла» внезапно заболело, и заменить его пришлось совершенно другим образом.

И все-таки технология победила. Но не в том варианте, о котором мы думали изначально. Для водоканала технологический цикл — это водозабор, водоочистка, сети, водоотведение и очистка стоков. А для горожанина? Для абонента водоканал начинает существовать в тот момент, когда у него исчезает вода. Вот поэтому наш спектакль начался со звука телефонного вызова — и выхода оператора Клиентского центра Александры Цепиловой, которая на звонки отвечает. Логика сценария в итоге оказалась логикой потребителя: что он видит и что не видит в нашей работе. То есть с поверхности мы пробирались вглубь, к людям и темам, о существовании которых горожане даже не догадываются. Но, конечно, эмоциональная нагрузка, насыщенность шла по нарастающей. А правило «мальчик — девочка — мальчик — девочка» вы и сами знаете наверняка.

По нашему сценарию ведущий всегда на сцене, только на концертные номера уходит. Ведущий не только для того, чтобы представлять участников. Это страховка для

каждого, кто опасается забыть текст и вообще потеряться. Чтобы они не боялись, мы с режиссером повторяли по сто раз: ведущий — это спасатель. Забыли слова — подскажем. Разволновались? Отвлечем от вас внимание, дадим минутку прийти в себя.

Включили в сценарий и несколько концертных номеров, внесли оживление и разнообразие в действо. Если у нас есть инженер — мастер брейка, как же его не показать?

Инженер Максим Скопинцев своим выступлением доломал последние стереотипы о коммунальщиках.

Финальную песню «Мы — команда» исполняли всем составом. Использовать фонограммы всем запретили, только минусовки. Раз все настоящее, подлинное — то и голоса тоже.

Это репетиция или что?

Когда команда собрана, а сценарий написан, пора составлять расписание репетиций. В нашем случае это было почти математической задачей. График работы у всех свой: с 8 до 17 с двумя выходными, два рабочих дня на два выходных, один день через три, несколько человек всегда выходят в ночь. Большая удача, что наш режиссер в тот период имел достаточно свободный график, поэтому встречи мы назначали то с утра, то в обед, то вечером, в зависимости от того, как совпадали выходные у наших участников. А собраться все вместе мы смогли только в день выступления. И то: кое-кто пришел со смены, а кто-то сразу после спектакля убежал на ночную смену.

	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11
Цепилова	Р	В	Р	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В
Михайленко	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р
Щукин	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р
Какун																								
Жолобов	Р	Р	В	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р
Молоткин	В	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р
Попов																								
Бундмикола																								
Уланский	Р	В	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р
Шкляр	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р
Айсенов																								
Фурман	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р
Яцен Наталья																								
Яцен Галина	Р	Р																						
Бойкова																								
Щербанова																								
Кожевников																								
Стрелова																								
Гривенко																								
Дологошева	Р	Р	В	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р	В	Р	Р
Рязанов																								

Скопцов Максим, Петров Андрей - 8-17.

Примерно так выглядело вычисление дней, подходящих для встреч: когда у кого рабочие, выходные, отсыпные дни? Отпуска тоже надо учесть.

Хоть мы и называли наши встречи репетициями, это

были не совсем они. По сути — мы помогали участникам проекта перестать прятать свое обаяние, силу и красоту.

Нас всех учили быть скромными. Особенно девочкам часто говорят: скромность украшает. И только повзрослев, мы обнаруживаем, что слишком часто скромность — это уважение к чужой зависти. И где-то есть та самая золотая середина — между скромностью, которая уважение к другим, и скромностью, которая принижает. Другая сторона той же медали — «да кому это всё интересно?». Эту фразу я слышала сто раз и сто раз отвечала: мне.

По эмоциональной, душевной нагрузке это было, пожалуй, самым сложным в проекте: постоянно быть в контакте с каждым из 20 участников, чувствовать сомнения, страх, неуверенность, — и давать обратную связь, показывая «я с тобой». Просматривая видеозапись спектакля, вижу, что даром это не прошло. Стою на сцене и смотрю на них влюбленными глазами.

У большинства из них это был не то что первый в жизни выход на сцену, это вообще первый опыт публичного выступления. И говорить нужно о себе. А это совсем страшно: вдруг тебя не оценят, не одобряют, не найдут доброго слова, приветливого взгляда. Страшно открыться.

И этот страх проявляется внешне. В походке, в жестах. В манере говорить. Иногда — в нарочитой строгости. Иногда — наоборот, в развязности. Поначалу проще было работать один на один. А потом хорошо зашло общение в паре и в большой группе. Поскольку все совершали одни и те же ошибки, делали одинаковые жесты, можно было увидеть себя со стороны — в других. Люди видели, как выглядят со стороны жесты, которые они считали только своими (это было очень смешно!), и под общий хохот расставались с ними. На одной из встреч мы так развеселили одного из молодых рабочих, что он совершенно забыл стесняться. А с кем-то приходилось скакать по залу, размахивая руками, чтобы снять зажимы в теле.

Кстати: алкоголь даже в гомеопатических дозах, вале-

рьянка и прочие подобные приемы стабилизации настроения под категорическим запретом. Все эти беспроигрышные, казалось бы, методы могут лишить выступающих эмоциональности или наоборот разогнать ее в ненужную сторону. После — пожалуйста, святое дело.

И безусловно всем помогло то, что большая группа заинтересованно слушала всех. Было видно, что это внимание настоящее, не наигранное. Много лет работая на одном предприятии, люди никогда друг друга не видели, мало что знали о работе других подразделений. Для них было много открытий.

Перед выходом на сцену пожелаем друг другу удачи, и все у нас получится, потому что мы — команда: «И если рядом друзья, то победить нас нельзя!»

На наших встречах мы порой вели разговоры «за жизнь», поднимая темы, о которых некогда подумать на бегу. Вот вы чего боитесь больше всего? А ведь именно

это — самое страшное — дает незабываемый выброс адреналина. Людям, которые не боятся высоты и скорости, скучно на американских горках. И чем страшнее вам сейчас, тем больший кайф вы получите от выхода на сцену.

Надо отдать должное нашему режиссеру Алексею Перловскому. Все, что было нужно сказать, он повторял бессчетное количество раз, пока не дошло. Работая один на один, он был скорее добрым другом или психологом, чем режиссером. Он не ставил технику, он подсказывал, как отпустить себя на волю, как разрешить себе быть таким, какой ты есть.

Ближе к выходу на сцену все чаще звучал вопрос: во что одеваться? Может, в спецодежде пойдем? Однозначно нет. Мы сегодня не производственные единицы, не винтики огромной сложно устроенной машины. Сегодня каждый из нас отдельная, особая и особенная личность. Мы говорим о себе, поэтому идем в том, в чем нам удобно, комфортно, органично. Если вас пиджак душит — ради бога, не надо его надевать! Шпильки? Да, если вы естественно держитесь на них, и ваши мысли не будут заняты только тем, как на них удержаться. И режиссер, конечно, поможет вам с выбором.

И придумает нестандартные выходы и уходы для каждого, расставит нас по сцене, подберет музыкальное оформление постановки, объяснит задачу осветителю и звуковику. А еще Алексей очень помогал нам, когда делал квадратные глаза, если мы слишком увлекались терминологией: «Не понимаю!»

Декорации такому спектаклю не нужны. Учитывая огромные размеры нашего зрительного зала — склоны резервуаров чистой воды на Мамаевом кургане, задником сцены мы сделали большой экран. На него проецировали крупным планом лица выступающих на сцене. Во время финальной песни там шел видеоклип. Возможно, ваш режиссер придумает другой ход. Но этот вопрос надо решать с самого начала: аренда экрана и все, что с ним связано, —

это самая дорогая часть проекта. По крайней мере, так было у нас. Рекомендации давать сложно, многое зависит от выбора площадки.

Резервуары чистой воды к встрече гостей мы готовили еще в прошлом году, к первому спектаклю: засыпали ямы, выровняли дорожки и место под сцену, потому что одно дело — порядок для производственных нужд, и совсем другое — для встречи гостей. В этом году было уже немного проще. Снова поставили дополнительное освещение, обозначили сигнальной лентой неудобные или даже опасные места, где присутствие посторонних нежелательно. Привлекли для встречи гостей волонтеров-студентов и охранный предприятие. Для старших гостей привозим стулья и не возражаем, если гости несут с собой кемпинговую мебель.

По традиции на входе мы просим всех гостей расписаться, что они ознакомились с правилами поведения на территории. Правила простые: не заходить за сигнальную ленту, не курить, мусор уносить с собой, детей держать при себе. Приглашая зрителей, кстати, всегда просим детей оставить дома — площадка для них не приспособлена. Нас не слушают. Идут даже с малышами в колясках. Но, по крайней мере, мы надеемся, что наши предупреждения стимулируют родителей быть внимательными.

Мы любим своих зрителей, даже гордимся ими, — и это явно взаимно.

Несмотря на все эти сложности, том числе и с транспортной доступностью, мы точно уверены в одном: знакомить горожан с коллективом нужно на своей территории. Тогда это по-настоящему сайт-специфичное искусство. Перформанс «Страсти по мартену», который год назад состоялся в уже не работающем цехе Выксунского металлургического завода, в 2018-м получил гран-при премии имени Сергея Курехина, а в 2019-м стал лауреатом самой престижной премии в сфере современного искусства России «Инновация». Конечно, такое масштабное событие вряд ли кто-то сумеет провести на действующем горячем производстве. Но пытаться надо.

Когда-то и у нас экскурсия для журналистов и блогеров на объекты водоканала была событием, к которому мы пробивались месяцами. Сейчас это даже забавно вспоминать. Уже второй год сотни людей приходят на действующую

щий объект водоканала — и небо не рухнуло на землю. И даже мусор за гостями убирать не приходится. Мы уверены: к нам приходят лучшие, это настоящая городская элита. Современное искусство заставляет думать, задавать вопросы, учиться, этого хочется не всем. Наши зрители — хотят. Поэтому пусть наш опыт будет аргументом для тех, кто побаивается открываться людям. Это не страшно. Это круто!

И еще парочка нюансов. Во время спектакля режиссер находился рядом с технической группой, а за сценой командовал помреж, помощник режиссера. У нас в этой роли выступила PR-специалист Мария Глушихина. На сцену она тоже выходила — в подтанцовке. А за сценой рулила передачей микрофонов из рук в руки. У нас было 6 гарнитур, и перед началом спектакля мы составили расписание: кто кому отдает свой микрофон. Мария напоминала, кому пора подготовиться к выходу, следила, чтоб микрофоны сразу отключали после своей сцены и не забывали включать перед выходом. К такой четкости водоканал привык, поэтому сбоев не было.

Вряд ли стоит подробно останавливаться на медиа-составляющей проекта: афишках, публикациях в СМИ и соцсетях до и после. Мы, кстати, думали сделать программки, но отказались от этой идеи, чтобы не умножать мировые объемы мусора. Для соцсетей использовали хештег #водоканалдословно.

Приходящих на спектакль мы просили оставить свой электронный адрес — если будет несложно ответить на несколько вопросов по итогу. Анкету сделали в документах Google. Получили 32 ответа. Немного, статистикой это не назовешь, но хотя бы свои ощущения подтвердили. Около 60% ответивших пришли по приглашению знакомых, коллег, друзей, остальные видели афишку в соцсетях. Средства массовой информации нам в этот раз в анонсировании спектакля не помогли ничем.

И что с того?

Получили ли мы то, что хотели? В начале этого раздела мы обозначили два своих «зачем». В той части, которая «показать водоканал городу», — мы собой недовольны. На спектакль пришло около 500 зрителей, а мы рассчитывали, что будет втрое больше. Правда, коллеги из профессиональных театров, которым мы жаловались на свой провал, в разных выражениях говорили примерно одно и то же: вы зажрались, товарищи. В этот майский вечер в центре Волгограда шло одновременно четыре концерта на открытых площадках, улица Мира была перекрыта ради фестиваля «Извините, вы не видели Лосева?», во всех музеях программа была расписана до полуночи, — и все-таки люди пришли к вам, а ведь не ближний свет, от вас потом до остановки идти и идти в темноте... Да еще и незнакомый формат — документальный спектакль, это же современное искусство, его в больших аудиториях не показывают, слишком узок круг ценителей.

Кстати, о ценителях: видимо, у нас собрались именно они. Отвечая на вопрос нашей анкеты, только один человек выбрал вариант «современное искусство — это фигня какая-то». Остальные выбирали между «то, что меня привлекает» (их больше) и «иногда это бывает забавно». Большинство наших зрителей работают в реальном секторе, у них четко определенный рабочий день (никакого фриланса), и при этом 58% станут участником будущего театрального проекта, даже если готовиться придется полгода, лишь бы тема зацепила. И еще 26% согласны участвовать, если не придется готовиться. Значит, если в следующий раз предложим нашим зрителям стать участниками перфоманса — они не разбегутся и не обидятся. И мы будем думать над этим. Раз уж так вышло, что коммунальное хо-

зейство с помощью нашего музея стало проводником современного искусства в Волгограде.

В части же, касающейся отношений с коллективом, — да, тут мы получили своё сполна. Все, что хотели, что планировали, на что надеялись. Да и по пути зацепили кое-что.

Анализируя статистику коллектива, обратили внимание на 79-летнего рабочего с высшим образованием. Кто это, как это? Так состоялось знакомство с бывшим инженером-испытателем Альбертом Михайловичем Дзюбой. Завершив работу в ракетно-космической отрасли, он пришел в водоканал, сначала на инженерную должность, а потом в рабочие, чтобы отвечать не за все предприятие, а за конкретный участок. Это по анкетным данным. А по жизни? О нем говорили с огромным уважением. Приводили примеры, когда его знания буквально спасали предприятие, он, мол, электронику лечит наложением рук, потому что знает и чувствует, как никто. Почему же мы не видим его среди награждаемых почетными грамотами? Все оказалось просто: он числится в энергоремонтной службе, а работает на водоочистных сооружениях, то есть свое начальство его месяцами не видит, а молятся на него в другом месте.

История Якова Потапова вышла из музея и начала новую жизнь: медалью его имени награжден удивительный человек Альберт Дзюба.

Баланс восстановили: в конце 2018 года с подачи нашей творческой группы А. М. Дзюба награжден медалью «За верность водоканалу».

«Водоканал дословно» на Youtube: <https://goo-gl.ru/5tKJ>

Вот так хранящиеся в музее истории дают начало новым. Которым тоже в свое время найдется место в музее. И не так уж важно, какой экспонат будет связан с ними — старинный документ или инструмент, медаль или стеклянная банка с детской игрушкой внутри. В музеях, подобных нашему, немного предметов, обладающих большой материальной или исторической ценностью. А то, с чем вы приходите в музей, ваши истории, которые помогают понять самих себя, друг друга, город, в котором мы живем, — бесценны.

Последняя глава

Огромная благодарность всем, кто принимал участие в наших событиях, кто приходил просто посмотреть. А от всех нас — тем, благодаря кому все это стало возможным.

**ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

**Концессии
водоснабжения**

Автономная некоммерческая организация
Арт-медиа-центр развития музейных проектов

КОММУНА

На семинарах, форумах музейщиков, менеджеров культуры есть хорошая традиция: на финальном ужине поднимать тост за тех, кто позволил нам здесь оказаться. За тех, кто оплатил стажировку и командировку. За тех, кто выполняет нашу работу вместо нас, пока мы путешествуем и учимся. За тех, кто остался один дома. Спасибо за то, что отпускаете!

Отдельная благодарность всем, кто щедро делился с нами своими фотографиями. В этой книге использованы фотоработы Олега Горбунова, Олега Дмитриева, Андрея Долгошеева, Алексея Копаяева, Инны Шереметьевой, Алексея Волхонского, Станислава Азарова, Арины Орловой и Александра Кривича, а также целой плеяды авторов каталога декады паблик-арта «(Из) обретая публичное», чьи работы разрешил нам использовать куратор декады Антон Вальковский.

ФИЛЬТРЫ

музей историй чистой воды

Последняя глава в книге — это повод начать новую.

Команда проекта «Чистой воды искусство»

Антон Вальковский

К. ф. н., специалист по теории, истории и практике современного искусства. Приглашенный исследователь и куратор Центра искусства и урбанистики (Берлин), менеджер социокультурных проектов, независимый куратор (Волгоград/Владикавказ).

Денис Высоцкий

Бухгалтер, финансист. Опыт работы главным бухгалтером больше 10 лет. Совтор проекта «Велозкскурсии по Волгограду». Как волонтер принимал участие в большинстве публичных мероприятий Музея истории чистой воды «Фильтры».

Ольга Жинжикова

Журналист и пиарщик с большим опытом организации мероприятий в сфере рекламы, кинопроката. В акцию «Ребенок в комнате – закрой окно» для предотвращения детской смертности вовлекла более 300 городов России. Директор АНО «Арт-медиа-центр «Коммуна».

Дмитрий Селезнев

Занимается техническим обеспечением проектов (свет, звук). У него большой опыт работы на публичных массовых мероприятиях: концерты, спектакли, 3D mapping, в том числе на торжественных мероприятиях на территории памятника-ансамбля на Мамзеевом кургане.

Анна Степнова

Первый социокультурный проект реализовала в 2005 году – установка скульптуры «Ангел-хранитель Волгограда». Автор энциклопедии «Город героев и окрестности», пьесы «Белое платье», сценария «Водоканал дословно». Руководитель Музея истории чистой воды «Фильтры». Председатель АНО «Арт-медиа-центр «Коммуна».

Оглавление

Из водоканала с любовью	7
Тайные смыслы Царицынской водокачки	9
Три колодца	19
Апология пустоты	22
Люк at me	31
Волга во мне	37
Путь воды	41
Потапов вернулся	47
Царицын-на-воде	53
Банка данных	63
...И сережку из ушка	65
Молодая вода	66
Глазки-бусинки	67
Апрельский дождь	68
«Больше никогда!»	69
Одеколон «О'Жён», 1991	71
Вода вдохновения	74
Где стирали белое платье	76
Коммунальный вербатим	89
Заговори, чтобы я тебя увидел	91
Зачем всё это?	94
Идем по календарю	98
Закулисные дела	100
Кто все эти люди?	108
О чем говорить, если не о чем говорить?	110
Это репетиция или что?	118
И что с того?	125
Последняя глава	129
Команда проекта «Чистой воды искусство»	131

Анна Степнова

Чистой воды искусство
Водоканал как источник вдохновения

Книга написана в рамках проекта «Коммунальный вербатим», поддержанного Фондом президентских грантов.

Стрит-арт и паблик-арт, театр и кино — проекты, которые Музей истории чистой воды «Фильтры» делает вместе с художниками, горожанами, объединяются в глобальный и бессрочный проект «Чистой воды искусство». Как сделать корпоративный музей притягательным для горожан? Рассказ о музейных событиях включает пошаговое руководство для тех, кто хочет поставить документальный спектакль со своим коллективом.